
М. В. Антонов, Е. Н. Лисанюк

НОРМАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ В ТЕОРИИ ПРАВА И ЛОГИКЕ НОРМ*

Два года назад впервые на русском языке вышло ключевое произведение К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина «Нормативные системы».¹ Это произведение было опубликовано в «Российском ежегоднике теории права» к 80-летию юбилею одного из соавторов — Евгения Викторовича Булыгина. Интерес научной общественности России — а среди тех, кому важно знать положения этой классической для нормативной философии XX в. работы, не только теоретики права, юристы, но и логики, философы, специалисты в области искусственного интеллекта — привел к постановке вопроса о переиздании «Нормативных систем» отдельной книгой. На этот раз данная работа выходит в сопровождении ряда статей Евгения Викторовича Булыгина, а также некоторых важнейших работ по логике норм другого соавтора «Нормативных систем» — Карлоса Эдуардо Альчуррона, написанных, в свою очередь, в соавторстве с известными логиками Д. Макинсоном и П. Герденфорсом. Эти статьи суммируют и дополняют основные точки приложения сформулированной в «Нормативных системах» концепции к различным теоретико-правовым проблемам и вопросам логики норм, создавая превосходный фон для лучшего понимания данной концепции. Собрание расположенных в хронологическом порядке статей, сопровождающих настоящую публикацию «Нормативных систем», задумано таким образом, чтобы показать пути дальнейшего развития авторами — совместно, по отдельности и в соавторстве с другими учеными — их подходов к теоретико-правовым вопросам и идеям логического анализа норм, изложенным в «Нормативных системах».²

Вокруг «Нормативных систем». Незнание испанского языка не позволяет нам претендовать на характеристику всего творчества К. Альчуррона и Е. Булыгина, значительная часть работ которых была написана именно на испанском. Вместо этого хотелось бы начать настоящий вводный очерк размышлениями о мировоззренческих основах творчества двух замечательных мыслителей.

Аргентинская теория права традиционно развивалась в фарватере метафизической философской традиции кантианства и гегельянства. Центральной фигурой в ее развитии в середине XX в. стал Карлос Коссио, эгологическая

* Раздел «Нормативные системы» и теория права» написан М. А. Антоновым (в рамках исследований по проекту РГНФ № 11-03-00637а), раздел «Деонтическая логика и теория нормативных систем» — Е. Н. Лисанюк (в рамках исследований по проекту РГНФ № 12-03-00196).

¹ Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы // *Российский ежегодник теории права*. № 3. 2010 / отв. ред. А. В. Поляков. СПб., 2011. С. 307–472.

² Особняком стоит статья, с которой сегодня принято начинать изучение позвольных в логике норм: Булыгин Е. Разрешающие нормы и нормативные системы // Там же. С. 437–449.

концепция которого была ближе к метафизике с элементами феноменологической философии.³ Рассуждения Коссио и его сторонников имели по большей части умозрительный характер и не предлагали каких-либо конкретных приемов для работы с действующим позитивным правом.⁴ Лишь к 1960-м гг. в Аргентине выделилась группа правоведов (Амброзио Л. Хиоха, Генаро Р. Каррио, Роберто Вегненго, Е. В. Булыгин, К. Э. Альчуррон и др.), которая попыталась приспособить философию права к потребностям юридической догматики. Организационной площадкой для этой деятельности стал возглавляемый профессором Хиохой Институт философии права при Университете Буэнос-Айреса. Неудивительно, что эти попытки были предприняты под знаменами правового позитивизма, к которому примкнули указанные правоведы.⁵

Военный переворот 1966 г. привел к ужесточению контроля над университетским образованием и исследованиями; либеральная философия права оказалась если не под запретом, то под достаточно жестким прессингом групп, исповедовавших реакционные взгляды. В этой ситуации некоторые из ученых (в частности, Верненго, Гарсон Вальдес) эмигрировали из Аргентины, но большая часть группы под руководством А. Л. Хиоха (умершего в 1971 г.) оставалась на юридическом факультете Университета Буэнос-Айреса. Эта группа не смотрела на происходящее в их стране с высот безразличной философской абстракции. В данной ситуации Рабосси, Булыгин, Альчуррон и ряд других философов и правоведов создали интеллектуальный кружок (Аргентинское общество философского анализа), где обсуждались те теоретико-правовые проблемы, которые невозможно было поднимать в официальной университетской обстановке. Основы этого интеллектуального кружка были заложены в конце 1960-х гг., когда Э. Рабосси, Е. В. Булыгин, Г. Каррио совместно проходили стажировку в Оксфорде. Именно оксфордская аналитическая философия права стала тем стержнем, вокруг которого развивалась критика официальной политики военной хунты со стороны либеральных аргентинских философов права, из которых можно также назвать Р. Верненго, Р. Гибура, К. Э. Альчуррона и многих других.⁶

Разумеется, работа над «Нормативными системами» (1971 г.), впервые опубликованными за пределами Аргентины, не могла не испытать влияния политических и философско-правовых дискуссий, которые вели Булыгин, Альчуррон и их единомышленники. В обстановке, когда военная хунта использовала по сути своей неправовые методы правления, пренебрегая действующими юридическими нормами, твердая ориентация на позитивное право представляла для аргентинских интеллектуалов основную гарантию против правительственного произвола, который нередко осуществлялся под прикрытием этических и религиозных ценностей, истолкованных сообразно своим представлениям

³ Ср.: Коссио К. Интуиция, мышление и знание в сфере права // Там же. № 2. 2009. С. 407–428.

⁴ Стригалева Р. Б. Эгологическая теория права Карлоса Коссио // Там же. С. 403–406.

⁵ Bulygin E., Garzón Valdés E. Einleitung: Ursprung und Entwicklung der analytischen Rechtsphilosophie in Argentina // Argentinische Rechtstheorie und Rechtsphilosophie heute / hrsg. E. Bulygin, E. Garzón Valdés. Berlin, 1987. S. 8.

⁶ Ibid. S. 8–11.

о целесообразности.⁷ Можно также упомянуть, что в 1982–1983 гг. Булыгин, Альчуррон, Рабосси и другие члены этого кружка сыграли достаточно значительную роль в поддержке Р.Альфонсина, чье демократическое правительство пришло в результате выборов 1983 г. на смену хунте.⁸ Среди сторонников Альфонсина были такие прогрессивные аргентинские правоведы, как Карлос Каррио, занявший должность председателя Верховного Суда Аргентины, и Карлос Нино, который стал советником нового президента с рангом министра. Придя к власти, Р.Альфонсин уже в 1984 г. пригласил Е.В.Булыгина стать «деканом-организатором» — так называлась его должность на факультете права, предполагавшая демократизацию факультета права Университета Буэнос-Айреса в управленческом, учебном и в научном аспектах. Поэтому упреки в адрес правового позитивизма в потворстве авторитаризму и антидемократическим методам правления, в апологии права с произвольным содержанием⁹ помимо всего прочего оказываются несправедливыми в том плане, что позитивистская методология служила многим ее защитникам в борьбе против внеправового произвола властей.¹⁰ Возможно, что невнимание Коссио и других метафизически настроенных аргентинских теоретиков права в середине XX в. к проблемам и ценности позитивного права в некоторой степени оказало идеологическую поддержку антидемократическим и внеправовым методам захвата и удержания власти сменявших друг друга военных хунт. С этой точки зрения в основе «Нормативных систем», написанных в ходе данных событий, равно как и в производных от этой книги философско-правовых работах Альчуррона и Булыгина можно найти скорее не апологию грубой силы (с такой апологией нередко ошибочно ассоциируется правовой позитивизм), а глубокомысленный гуманизм, видящий одновременно и слабости, и сильные стороны человека и человеческого общества. Контингентность, дисконтинуальность социального бытия обуславливают необходимость позитивного правового порядка, способного дать человеку твердое руководство в его поступках и гарантию против пося-

⁷ Именно в этом смысле, защищая права человека, Е.В.Булыгин подчеркивает их хрупкость: «Следует — если желать иметь права человека — заботиться о том, чтобы позитивный законодатель или творец конституции фактически институировал их. Это не только теоретически адекватно, но и политически важно, добиться понимания того, что права человека не являются данностями, защищенными естественным правом или абсолютной моралью, а представляют собой хрупкое и поэтому особенно ценное достижение человечества» (Булыгин Е. В. К проблеме обоснования прав человека // Проблемы философии права. 2006–2007. Т. IV–V. С. 152).

⁸ См. об этом: *Fiss O. The Death of a Public Intellectual // The Yale Law Journal. 1995. N 104. P. 1187–1200.*

⁹ Ср.: *Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011.* — Впрочем, такие обвинения ложны не только по отношению к Альчуррону и Булыгину, но и по отношению к Кельзену и многим другим интеллектуалам, защищавшим ценности свободы и демократии, оставаясь при этом на позициях юридического позитивизма.

¹⁰ Интересно, что в СССР деонтическая логика стартовала не только в широко известных трудах А. А. Ивина — ученика известного диссидента А. А. Зиновьева, но и практически одновременно в статьях А. С. Есенина-Вольпина, диссидента, выступавшего за использование норм советского законодательства для борьбы за права человека: *Ивин А. А. Логика норм. М., 1973; Есенин-Вольпин А. С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека. М., 1999.*

гательств большинства на его права.¹¹ Требование такого порядка сочетается с верой в способности человеческой воли и человеческого разума создать такой порядок. Один из путей для такой созидательной работы юристов заключается в разработке выверенной методологии систематизации права.

Е. В. Булыгин в предисловии к первой русскоязычной публикации «Нормативных систем» высказал предчувствие, что эта книга может показаться юристам «трудной и во всяком случае несколько необычной», и в свойственном ему скептическом тоне заметил, что не ожидает, чтобы публика стала штурмовать магазины, стремясь купить это издание. Действительно, мало что переменялось в менталитете российских юристов за прошедшее со дней краха советской идеологии время — концептуальные схемы советского периода, насквозь пропитанные свойственной этому периоду марксистско-ленинской философией, пока еще удовлетворяют скромным теоретическим запросам развиваемой в отечественной юриспруденции догмы права. Этому обстоятельству можно только посочувствовать, поскольку «Нормативные системы» могли бы значительно улучшить понимание процессов нормативного регулирования, представив отечественным юристам новое видение данной проблематики.

Особенность «Нормативных систем» состоит в том, что в этом труде авторы попытались соединить современную им деонтическую логику с теорией права. Хотя авторы четко не разделили написанные каждым из них части этого произведения, но по стилистике и по направленности нетрудно выделить те фрагменты, что были подготовлены заинтересованным в логических исчислениях и конструкциях К. Э. Альчурроном, и те, что были проработаны Е. В. Булыгиным, основной интерес которого всегда был связан с философско-правовой проблематикой.¹² Принципиальный упрек авторам «Нормативных систем» обычно сводился к тому, что смешение логической и юридической проблемных сфер и терминологии делало эту работу неинтересной как для логиков, так и для юристов. Для первых печальным было то, что авторы слишком упростили логическую проблематику, чтобы сделать ее понятной для юристов,¹³ а вторых могло разочаровать то, что даже в таком упрощенном виде таблицы, схемы, логические исчисления, специфическая терминология деонтической логики все равно оставались малопонятными для большинства правоведов.

«Нормативные системы» и теория права. К. Альчуррон и Е. Булыгин неоднократно высказывали сожаление о том, что юристы оставляют без внимания

¹¹ Например, одна из учениц Е. В. Булыгина, аргентинский юрист Изабель Новосад, показывает, как формальные методы анализа нормативных систем позволяют добиваться защиты прав клиентов банков в деле установления справедливых условий кредитования: Новосад И. Понятие ростовщичества с точки зрения «Нормативных систем» // Философия права и ответственность государства. Коллективная монография / под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб., 2012. С. 370–378.

¹² Вместе с тем проведение водораздела между правовыми концепциями Альчуррона и Булыгина представляет серьезные трудности, поскольку большинство идей было разработано этими мыслителями сообща. Поэтому здесь мы не пытаемся провести такое деление и попытаемся дать общую характеристику юридической теории Булыгина — Альчуррона в том виде, в котором она была сформулирована в «Нормативных системах» и в тематически примыкающих к этой книге статьях.

¹³ См. об этом: Лисанюк Е. Н. «Нормативные системы» К. Альчуррона и Е. Булыгина сегодня // *Российский ежегодник теории права*. № 3. 2010. С. 294–296.

развитие деонтической логики и не прибегают к формально-логическому анализу юридических понятий;¹⁴ это сожаление может напомнить мечты Платона о том времени, когда правители станут философами, а философы — правителями. Подспудно скрытая в словах о «переносе в изучение права части знаний и методов, приобретенных и использовавшихся в фундаментальных исследованиях других, более развитых наук»¹⁵ идея синтезировать деонтическую логику и теорию права, как кажется, имплицитно исходит из мечты о том, чтобы юристы стали логиками. Развитие и постоянная специализация наук, наряду с сопротивлением юристов — одной из самых консервативных корпораций, высоко ценящей методы и терминологию своей древней науки, — делают осуществление этой мечты все более трудным. И если воспринимать «Нормативные системы» как призыв к такому синтезу, к замене философии права логикой норм — а такое восприятие характерно для многих исследователей,¹⁶ — то это произведение, вероятно, было бы обречено оставаться экзотикой для большей части юристов. Но основной замысел «Нормативных систем» был все же иным.

Если использовать знакомую юристам классификацию видов толкования, то при буквальной интерпретации вышеприведенного высказывания авторов «Нормативных систем» следовало бы сделать акцент на слове «часть». За пределы рассмотрения «Нормативных систем» выходит, в частности, основной вопрос философии права — отграничение права от иных нормативных регуляторов, равно как и проблематика определения содержания норм права — вопрос, который авторы обозначают как «установление» (*identification*) права и который в традиционной правовой догматике обсуждается в рамках проблемы толкования права. Предпринимая свое исследование, Альчуррон и Булыгин четко обозначили узкую предметную область этого исследования — систематизацию права, однако она трактуется в «Нормативных системах» гораздо шире, чем тот круг проблем, что под систематизацией привыкли обсуждать юристы (кодификация, инкорпорация и иные формы упорядочивания нормативно-правового материала). В последующих работах авторов с точки зрения разработанного в «Нормативных системах» учения о систематизации права подробно рассматриваются вопросы о создании и применении права — в аспекте анализа норм компетенции, позволяющих определить лиц, правомочных на создание и изменение системы права, а также в аспекте изучения нормативных следствий изменений системы права (отмена, пересмотр правовых норм и пр.).

Такое расширенное по сравнению с общепринятой догмой понимание «систематизации» неудивительно, поскольку для авторов «Нормативных систем», во-первых, процесс систематизации осуществляется преимущественно юристами, а не законодателями, и, во-вторых, систематизация выполняется не только и не столько на уровне всего правопорядка в целом, сколько на уровне частичных систем, конструируемых самими юристами. Систематизацией

¹⁴ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Введение.

¹⁵ Там же. Введение.

¹⁶ Типичный пример такого отношения см.: Haack S. On Logic in the Law: «Something but not All» // Ratio Juris. 2007. N 20. P. 1–31. — Ср. ответ Е. В. Булыгина: Bulygin E. What Can One Expect from Logic in the Law? (Not Everything, but More than Something: A Reply to Susan Haack) // Ratio Juris. 2008. N 21. P. 150–156.

может при желании заняться каждый правоведа, анализируя конкретное дело (случай), просчитывая вероятные решения этого случая, применимые с точки зрения действующего права, соотнося свои исчисления с общей моделью решения группы (класса) таких случаев согласно нормам права. Подобный расчет нетрудно осуществить при помощи несложных логических инструментов и элементарных деонтических исчислений, образцы которых приведены в первой части «Нормативных систем». Данный прием позволяет правоведа сформировать отдельное множество правовых норм, применимых к данному делу, определить критерии релевантности, с помощью которых к тому или иному случаю должна будет подбираться одна из норм (если таких норм две или более) сформированного множества. В результате подобного анализа правоведа сможет выявить пробелы (отсутствие применимой нормы для конкретного случая) или, наоборот, избыточные нормы (две или более норм, регулирующих один и тот же конкретный случай), иные формально-логические дефекты системы. Такой формальный анализ не ограничивается исследованием отдельных *ad hoc* случаев, но проводится одновременно на общих, типовых (определяемых родовыми признаками) случаях. Сформированный в рамках данного анализа набор типовых ситуаций, соотношенных с применимыми к этим ситуациям нормами, в терминологии Булыгина — Альчуррона называется «нормативным множеством», а будучи упорядоченным определенным образом — «нормативной системой».

Собственно, построение таких нормативных систем — это то, чем обычно занимаются правоведа, ставящие перед собой задачу упорядочить те правовые нормы, с которыми они работают. Иногда такие систематизаторы не осознают логической (в смысле использования определенных приемов формальной логики) подоплеку своей деятельности, подобно мольеровскому буржуа, не знавшему, что он говорит прозой. Раскрыть эту подоплеку и дать в руки юристов логическую схему исчисления нормативных следствий юридически релевантных ситуаций — это «*not everything, but more than something*», если воспользоваться выражением, которое Е. В. Булыгин использовал в ответ на критику С. Хаак применения методов формальной логики в праве.

Здесь, конечно, не нужно представлять, что Альчуррон и Булыгин считали, что сфера права и правоприменения исчерпывается только логикой. Они даже предостерегают: «Было бы ошибочным толковать нашу характеристикация является основным призванием правоведа (и наше утверждение о том, что систематизация процесса систематизации (и наше утверждение о том, что систематизация является основным призванием правоведа) как попытку описать то, что делают на самом деле юристы». ¹⁷ Разумеется, логика далеко не всегда определяет человеческие поступки, включая и процессы создания, применения, толкования, классификации правовых текстов. Ведь логика (в подавляющем большинстве ее вариаций) не описывает то, как думают люди, а предписывает, как люди должны строить свои рассуждения, если они желают, чтобы полученные выводы были истинными и носили необходимый характер. Поэтому формальный анализ правовых текстов не исключает изучения других факторов, которые влияют на поведение и решения, принимаемые судьями, — в этом отношении критика «Нормативных систем» со стороны Мануэля Атиензы и других сторонни-

¹⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Введение.

ков «широкого понимания права» бьет мимо цели.¹⁸ Возможно, как утверждают правовые реалисты, тексты права есть лишь ширма, за которой судьи и иные правоприменители прячут свой произвол. Но, с другой стороны, мало кто будет всерьез спорить с тем, что правовые тексты в *той или иной степени* влияют на принятие юридических решений. Данные тексты представляют для юристов опору в их суждениях (степень надежности этой опоры не может быть абсолютизирована, но и не может полностью отрицаться).¹⁹ С этой точки зрения объяснение того, как юристы применяют законы мышления (логику) при решении юридических казусов, будет в *некоторой степени* объяснять процессы правоприменения и, следовательно, иметь эвристическую ценность.²⁰ Поэтому чисто рациональное объяснение процессов правотворчества и правоприменения не исключает, а, наоборот, дополняет объяснение этих процессов с эмпирической точки зрения.²¹

Было бы неправильно видеть в намеренном ограничении предметной области «Нормативных систем» областью формальной деонтической логики признак неполноты и ограниченности исследования. Авторы сознательно отказались от исследования правовых норм через конструирование очередного «метанарратива» о сущности права (в духе Кельзена или Дворкина). Сформулированная в «Нормативных системах» теория не позволяет сделать каких-либо далеко идущих выводов о природе права, модусах его существования, связи с социумом, экономикой, культурой. «Нормативные системы» зиждутся на некоторых базовых постулатах того направления правовой мысли, которое принято обозначать как правовой позитивизм.²² Для целей исследования Альчуррон

¹⁸ М. Атиенза справедливо пишет: «Булыгин же предпринял попытку конструирования теории лишь одного аспекта обоснования судебных решений», — но необоснованно считает недостатком эксклюзивного позитивизма Булыгина отказ от сочетания «формально-логических элементы с элементами материальной и прагматической природы» (Атиенза М. Евгений Булыгин и теория юридической аргументации // Правоведение. 2008. № 3. С. 186). «Эксклюзивный» (или исключаящий) позитивизм Булыгина имеет в виду всего лишь исключение из понятия права всего того, что не связано с позитивно-правовыми текстами, но не выведение за пределы права как социального явления процессов правоприменения, судебного разбирательства, законодательства, связанных с множеством факторов, изучение которых способно помочь выявить мотивы и причины принятия тех или иных юридически значимых решений. Другое дело, что для изучения разных аспектов права нужно использовать разные научные методы (Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1. С. 226–237).

¹⁹ Bulygin E. True or False Statements in Normative Discourse // In Search of a New Humanism / ed. R. Egidii. Dordrecht; Boston; London, 1999.

²⁰ Признавая как самоочевидную истину то, что право является «чрезвычайно сложным культурным явлением... культурным и интеллектуальным институтом», Е. В. Булыгин совершенно обоснованно указывает полезность структурного анализа этого института с помощью логического инструментария, хотя бы возможности исследования права таким структурным анализом и не исчерпывались (Bulygin E. What Can One Expect from Logic in the Law? P. 151).

²¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Гл. IV, п. 3.

²² Среди посылок правового позитивизма в первую очередь могут быть названы: разделительный тезис о независимости понятия права от этических ценностей; тезис о социальных источниках права, позволяющий отказаться от недоказуемых попыток вывести

и Булыгин предполагают, что правовые нормы обладают заданным смысловым значением, которое выявляется, уточняется, а может, и изменяется в ходе установления норм (толкования). Изменение происходит, если содержащим правовые нормы высказываниям, как это часто бывает на практике, правоприменители и теоретики приписывают иное значение, чем было вложено законодателем — теми органами, которые наделены соответствующей компетенцией. Допускается далее, что смысловое значение правотворческого акта может быть адекватно выражено через лингвистические конструкции (правовые выражения, высказывания, предложения) и без потерь транслировано адресатам нормы — хотя на практике это происходит не всегда. Адресат нормы способен принимать рациональные решения относительно своего и чужого поведения на основе знания о содержании правовых норм. Все эти тезисы, споры об обоснованности которых, как правило, составляют содержание обширных философско-правовых трактатов, принимаются в «Нормативных системах» как условные постулаты, а в качестве основного предмета исследования обозначаются правовые системы романо-германской правовой семьи, где право преимущественно, хоть и не исключительно выражено в законодательстве.

Крайне несправедливо было бы упрекать Альчуррона и Булыгина в игнорировании дебатов в мировой юридической науке по этим вопросам, в редуцировании сложности философско-правовой проблематики к нескольким элементарным положениям традиционной юридической догматики. Авторы принимают соответствующие тезисы как исходные условия для анализа систематизации права, прекрасно осознавая связанные с ними теоретические сложности и допуская, что замена хотя бы одного из этих тезисов, принимаемых как исходные допущения, приводит к иным выводам касательно обсуждаемых на страницах «Нормативных систем» вопросов. Это вкратце демонстрируется на примерах вопросов полноты и непротиворечивости права, где замена юспозитивистского подхода на юснатуралистический приводит к совершенно иным выводам о полноте, непротиворечивости права, в котором юристу можно будет найти «только один правильный ответ» (Р. Дворкин).²³ Ценность разрабатываемой Альчурроном и Булыгиным конструкции прежде всего концептуальная — это матрица, с помощью которой можно (при известных допущениях) анализировать любую нормативную систему (и не только правовую). Матрица, которая, при более близком с ней знакомстве и понимании сопутствующей логической терминологии и символики, заставляет искренне восхититься скромностью и корректностью поставленных задач и ожидаемых результатов. Разумеется, публикация 40 лет назад этой замечательной книги послужила лишь отправной точкой (если не считать более ранних публикаций)²⁴ для последующих работ Альчуррона и Булыгина. Но об этом ниже. А сейчас попробуем порассуж-

содержание права из внесоциальных источников (Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Проблеми філософії права. 2005. Т. III. № 1–2. С. 7).

²³ Булыгин Е. В. К проблеме обоснования прав человека. С. 149–152.

²⁴ Среди предшествовавших появлению «Нормативных систем» работ можно выделить: Alchourron C. E. Logic of Norms and Logic of Normative Propositions // Logique et Analyse. 1969. N 47. P. 242–267.

дать о том, что российскому юристу было бы полезно извлечь из знакомства с теорией нормативных систем.

Известная в отечественной юриспруденции доктрина правового регулирования исходит из понимания этого процесса как регулирования государством общественных отношений посредством издания общеобязательных норм поведения. Регулятивное воздействие государства описывается при помощи концепта «механизм правового регулирования», понимаемого как «система правовых средств, организованных в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права».²⁵ В этом механизме принято выделять три основные части: правовые нормы, правоотношения и акты реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений.²⁶ В зависимости от широты перечня используемых средств выделяются широкий и узкий подходы. В рамках узкого подхода к числу средств регулирования относятся только исходящие от государства нормативные и ненормативные предписания, а в рамках широкого описывается еще и социальный механизм действия права. Специфически юридическое нормативное регулирование заключается, с одной стороны, в указании государством видов и объема гарантированного возможного поведения, а с другой — в предписании видов и объема должного поведения. Известны два основных метода регулирования: диспозитивный (основанный на координации поведения субъектов) и императивный (основанный на властном подчинении одних субъектов другим).²⁷

Лапидарная схема традиционной юриспруденции, которая репродуцируется в современной российской правовой теории, описывает правовое воздействие (регулирование)²⁸ как формулирование властных предписаний (через установление правового статуса лица, моделей правоотношений, мер правовой охраны и юридической ответственности), последующее восприятие субъектами права смысла этих предписаний и сознательную реализацию ими властных предписаний в своем поведении (соблюдение установленных законодателем запретов, исполнение предписаний и использование возможностей, вытекающих из дозволений законодателя). Подобная концепция правового регулирования основывается на тезисах о полноте и непротиворечивости системы права (которая понимается как совокупность взаимосвязанных способов правового воздействия, чья единая направленность гарантирована единством государственной воли либо системным единством базиса, отражаемого в юридической надстройке), на предположении о ее закрытости (в смысле изолированности от других систем нормативной регламентации поведения), о системном характере правовой действительности (где нормы, правосознание, правоотношения и иные элементы находятся в состоянии своего рода лейбницевской «пред-

²⁵ Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 57 и сл.

²⁶ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 33–34.

²⁷ Ср.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2005. С. 733 и сл.

²⁸ Некоторые теоретики, включая цитированного выше А. В. Малько, разделяют эти два понятия, но для целей настоящей статьи это разделение несущественно.

установленной гармонии»). Данная схема в общем и целом отражает уровень развития европейской правовой догматики начала XX в.,²⁹ описывавшей право в виде замкнутой системы, в которой закон может исчерпывающе регулировать все или почти все юридически значимые возможные ситуации, потенциально способные возникнуть в общественной жизни.³⁰ Впрочем, это воззрение никак не способно объяснить, почему в системоподобной правовой действительности появляются противоречащие друг другу правовые нормы (проблема коллизий в праве), обнаруживаются «неурегулированные участки общественных отношений» (пробелы в праве), и что с этим вопиющим «бессистемием» делать. Равным образом такое описание не отвечает на вопрос о том, почему решения судов и иных органов не могут быть дедуцированы из правовых норм с механической определенностью (проблема судебской ошибки и т. п.).³¹

К 1970-м гг. данная схема была серьезно поколеблена в теоретическом аспекте Кельзенем, Хартом, Россом и другими нормативистами («целительное» влияние критики которых по идеологическим причинам в то время не могло дойти до советских правоведов). Тем не менее эта схема продолжала оказывать влияние на юридическое образование и правоприменительную практику в мире. Альчуррон и Булыгин следуют общей линии критики школы аналитической философии права и пробуют дополнить эту критику альтернативным описанием правового регулирования с позиций деонтической логики Г. Х. фон Вригта. Идея восполнения правоведения элементами логики связана с благородным стремлением авторов «применить к науке о праве методологические инструменты, разработанные в иных сферах знания»,³² с тем чтобы по-новому исследовать вопросы о полноте, непротиворечивости и независимости систем права (эти вопросы изучаются под заголовком «систематизация права»).³³

Систематизация права для авторов есть выявление структурных свойств системы права, ее формальных дефектов и переформулирование ее основ.³⁴ В привычной для юристов терминологии это означает выведение принципов права, толкование (уяснение смысла) правовых норм, их конкретизацию (формулирование правил решения определенных категорий дел) и кодификацию (переструктурирование правового материала). Из этого набора Альчуррон и Булыгин выбирают для изучения в «Нормативных системах» только один элемент — конкретизацию правовых норм; этот процесс конкретизации они и на-

²⁹ См. подробнее: Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2011.

³⁰ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 168 и сл.

³¹ Удачное описание концептуальных проблем этого догматического подхода дано в: Кашанин А. В., Третьяков С. В. Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения // Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 42 и сл. — Авторы справедливо указывают на то, что ответы на эти вопросы отечественная догма права с переменным успехом пытается искать в учении о толковании права. Хотя трудно согласиться с авторами в том, что подобная экзегетика исчерпывает сущность правового позитивизма (ср.: Булыгин Е. В. Что такое правовой позитивизм? // Правоведение. 2011. № 4. С. 236–245).

³² Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 352.

³³ Там же. С. 315.

³⁴ Там же. С. 314.

зывают систематизацией. Поэтому читатель не найдет на страницах этой книги ни рецептов кодификации, ни правил толкования права — указанные вопросы остаются вне предмета анализа, хотя из сформулированных в работе идей могут быть сделаны весьма полезные выводы и применительно к проблемам толкования, кодификации, к учению о принципах права.³⁵ Выбор достаточно узкой проблематики позволяет Альчуррону и Булыгину сосредоточиться на нескольких вопросах, которые правоведы обычно воспринимают как самоочевидные истины, но в связи с которыми при детальном знакомстве возникают серьезные философские проблемы. Прежде всего это упомянутые проблемы полноты и непротиворечивости права, которые трудно разрешить, оставаясь в пределах традиционных философско-правовых конструкций.³⁶

Процесс систематизации права в описании этих двух философов выглядит следующим образом. Для того чтобы применить некую правовую норму, юристу следует определить, каким образом эта норма соотносит определенный случай (фактическую ситуацию, определяемую родовыми признаками) с определенным решением (указанием на должное в этой ситуации действие). Сначала определяются те типичные проблемные ситуации, применительно к которым введены определенные правовые предписания, затем эти проблемные ситуации соотносятся с этими предписаниями, и из полученной совокупности, имеваемой «нормативным множеством», дедуцируются отдельные наборы логических следствий. Правила вывода, согласно которым осуществляется дедукция, формулируются на основе классического определения отношения логического следования Альфреда Тарского.³⁷ При этом критерии релевантности для выбора между конкурирующими следствиями в проблемных ситуациях могут носить логический характер — в «Нормативных системах» используется метод нормализации формул логики высказываний. В качестве критериев релевантности можно использовать и сформулированные в правовых нормах правила предпочтения. Эта операция приводит к формулированию множества нормативных систем — их столько, сколько существует урегулированных правом проблемных ситуаций (Универсумов Случаев). Таким изящным приемом правовая система из огромного синкретичного конгломерата норм превращается в набор конкретных нормативных систем, каждая из которых описывает и регламентирует поведение адресата в некоей типичной правовой ситуации.

³⁵ Cp.: Bulygin E. 1) *Legal Dogmatics and the Systematization of Law* // *Rechtstheorie*. 1986. N 10. S. 193–210; 2) *Cognition and Interpretation of Law* // *Cognition and Interpretation of Law* / ed. L. Gianformaggio, S. L. Paulson. Torino, 1995. P. 11–35.

³⁶ Немаловажно и то, что описание процесса правоприменения в терминах деонтической логики позволяет Альчуррону и Булыгину обойти стороной труднейший и, возможно, неразрешимый вопрос об источнике юридической действительности (валидности) права (на этот скрытый центральный мотив указал один из рецензентов «Нормативных систем»: Todd D. D. *Normative Systems* by Carlos E. Alchourron; Eugenio Bulygin // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1973. Vol. 33. N 3. P. 437–438).

³⁷ Согласно Тарскому, предложение X логически следует из множества предложений K тогда и только тогда, когда не существует такой интерпретации логических параметров в X и K , что X принимает значение «истинно», а K — «ложно», т. е. когда каждая модель множества предложений K является одновременно моделью предложения X (Тарский А. О понятии логического следования // <http://philosophy.ru/library/tarski/sledov.html> (2012, 25 дек.).

Системность права здесь означает не необходимую взаимосвязь всех элементов правовой действительности (существование которой, как убедительно доказывают авторы «Нормативных систем», есть лишь недоказуемое метафизическое допущение), а логическую упорядоченность нормативных множеств, трансформирующую их в нормативные системы для получения юридических следствий.³⁸ Система права, формально упорядоченная на элементарном уровне (уровне юридически значимых ситуаций), позволяет юристу легко ориентироваться в нормативно-правовом материале, отыскивая решения тех фактических ситуаций, применительно к которым ему нужно найти применимые нормы. Трудно не согласиться с тем, что «юрист всегда сталкивается с ограниченным множеством проблем, и... ни один юрист не может заниматься всеми правовыми проблемами одновременно».³⁹ С практической точки зрения, такая совокупность нормативных систем права, сотканная из множества независимых (в смысле отсутствия единого автора) нормативных систем, оказывается гораздо более удобной, чем несуразное нагромождение норм, разделенное на отрасли, институты и прочие сегменты «объективного объединения по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство»,⁴⁰ в которое тщетно призывают поверить сторонники юридического объективизма.

Выгода от такого переосмысления очевидна: в распоряжении юриста оказывается практическое средство для его повседневной деятельности, которая как раз и заключается в соотношении конкретных жизненных ситуаций с абстрактными правовыми предписаниями через подведение этих жизненных ситуаций под те модели общих (родовых) случаев, для которых в юридических предписаниях формулируются решения (алгоритмы действий). Теперь эта деятельность вместо интуитивного угадывания и поверхностных аналогий приобретает характер целенаправленного структурирования нормативных систем. Речь идет о знакомой юристам дедуктивистской схеме юридического мышления. Это признают и сами авторы, хотя и подчеркивают, что логические операции дедукции требуют даже большей степени творческого мышления, чем возвышенные метафизические рассуждения о ценностях и принципах права.⁴¹ Нормативные системы в этой перспективе понимаются как формы связи типичных правовых ситуаций с множеством норм, из которых юристы могут выводить необходимые решения соответствующих казусов, или, иными словами, как «системы высказываний, имеющих нормативные следствия».⁴²

Таким образом, у юриста появляется опора для структурирования правового материала — эту опору представляют собой отдельно взятые логические

³⁸ При этом формы логического упорядочивания могут варьироваться исходя из потребностей субъекта систематизации. Ср.: *Aqvist L. Alchourron and Bulygin on Deontic Logic and the Logic of Norm-Propositions: Axiomatization and Representability Results // Logique et Analyse. 2008. N 203. P. 225–261.*

³⁹ *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Гл. V, п. 2.*

⁴⁰ *Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009. С. 234.*

⁴¹ *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Гл. V, п. 6.*

⁴² Там же. С. 353.

множества норм, сконструированные с учетом потребностей систематизации права. Если в отечественной правовой доктрине для этих целей используются весьма расплывчатые критерии предмета и метода регулирования, выдвигающие ложную претензию на объективность, то в «Нормативных системах» описывается матрица распределения и упорядочивания правового материала исходя из конкретных задач, стоящих перед правоведом (законодателем, судьей и пр.). Этот субъективизм в выборе предметных областей для классификации отдельных участков права уравнивается подчиненностью деятельности по систематизации определенным логическим правилам. Равным образом и выбор критериев релевантности может быть проверен с формально-логической точки зрения.⁴³ Каждая юридически значимая ситуация имеет одну или несколько соотношенных с этой ситуацией норм, с помощью которых устанавливаются соответствующие права и обязанности вовлеченных в ситуацию сторон (первичные права и обязанности субъектов действий, а также вторичные права и обязанности лиц, разрешающих споры о первичных правах и обязанностях). Если алгоритм должных действий в этих ситуациях однозначный и охватывает все возможные варианты развития ситуаций, а соответствующие правила дублируют друг друга — тогда мы имеем дело с непротиворечивой, избыточной и полной нормативной системой. Но такие случаи в праве суть скорее исключения, поскольку пределы человеческого знания и предвидения редко позволяют создать идеальный (с эмпирической точки зрения) кодекс поведения.

Анализ большинства конструируемых таким образом нормативных систем без труда позволяет вычленивать в них пробелы (авторы выделяют четыре разновидности пробелов: нормативные пробелы, пробелы распознавания и пробелы знания, аксиологические пробелы), а также другие формальные дефекты, которые без такого анализа остаются в тени.⁴⁴ Частичная неопределенность юридических правил фактически составляет один из атрибутов правового регулирования. Для Альчуррона и Булыгина логическая упорядоченность в праве является скорее исключением, а правилом — то, что они называют «логической неопределенностью нормативной системы».⁴⁵ Такая неопределенность служит *raison d'être* юридической профессии — если бы было возможно создавать идеальные кодексы, которые применялись с механической определенностью, то не было бы потребности в юристах, которые опосредуют применение норм к фактическим жизненным ситуациям. Профессиональная деятельность юристов состоит в том, чтобы творчески упорядочивать имеющиеся своды законов применительно к рассматриваемой ситуации, трансформируя их в нормативные системы, чтобы выводить из правовых предложений правила для конкретных жизненных ситуаций (см. выше).

Такая доктринальная деятельность по выведению правил для типичных ситуаций нередко приводит к изменениям в системе права (Альчуррон и Булыгин отличают «систематизацию» от «изменений» по тому критерию, что при систематизации сама система права остается неизменной, тогда как изменения приво-

⁴³ Там же. С. 384 и сл.

⁴⁴ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. S. 199.*

⁴⁵ См. об этом: Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. О понятии правового порядка (в настоящем издании).

дят к замене старой системы новой). Иными словами, право меняется не только вследствие законодательных инноваций — оно меняется каждый раз, когда судья или правоприменитель реконструируют нормативную систему (т.е. по-новому связывают некую типичную ситуацию с иным нормативным решением, чем было установлено в буквальном тексте закона, в судебной практике, в юридической доктрине и пр.).⁴⁶ Подвижки в архитектонике системы права происходят даже тогда, когда ученые-юристы предлагают иные подходы к решению правовых казусов. Если такие предложения принимаются юридическим сообществом, то это приводит к переформулированию ранее существовавшей системы.⁴⁷

Такой подход требует отказаться от всяких претензий на объективизм при систематизации права (в привычном для юриста смысле классификации правового материала). Выделяемые при систематизации проблемные блоки правового регулирования (или Универсумы Дискурса) — подобие того, что в традиционной юридической догматике называется институтами и отраслями права — определяются исключительно потребностями (практическими или теоретическими) тех правоведов, которые осуществляют систематизацию. Понятно, что в таком случае в системе права может существовать неограниченное множество взаимно пересекающихся и частично дублирующих друг друга нормативных систем. Объективисты, борющиеся против «трамвайно-троллейбусного» или «банно-прачечного» права, имеют все основания возмущаться подобным субъективизмом при реконструировании системы права.

Если принять позицию Альчуррона и Булыгина, то в области права нет необходимых связей и делений: вся система права контингентна, ее облик и формы зависят от умений и навыков конкретных правоведов, которые создают и пересоздают эту систему исходя из потребностей юридической практики. Безусловно, такие связи и деления не носят необходимого характера — теория Альчуррона и Булыгина не предлагает методики построения корректных в этом отношении нормативных систем, но позволяет находить логические ошибки в тех реальных собраниях норм, что конструируются законодателями, судьями, адвокатами и другими юристами. При этом критика «логически неопределенных» нормативных систем предполагает не только возможность существования безупречной в логическом отношении нормативной системы, которая служила бы образцом при систематизации, но и возможность создания столь же логи-

⁴⁶ Здесь мы можем отослать читателя к примеру «диссонирующего» судебного решения, который мы разбирали ранее применительно к характеристике «Нормативных систем» (Антонов М. В. *Право в аспекте нормативных систем // Российский ежегодник теории права.* № 3. 2010. С. 298–300). О важности методологии Альчуррона и Булыгина для анализа судебных решений см.: Гуастини Р. *Выдающиеся аспекты «Нормативных систем»* // Там же. С. 499.

⁴⁷ Альчуррон и Булыгин проводят различия между системой права — множеством нормативных систем, которое изменяется с каждым изменением хотя бы в одной из составных нормативных систем, и правовым порядком (право России, право США и пр.), который характеризует множество последовательно сменяемых систем права. При этом авторы не заботятся о поиске онтологических доказательств для обоснования так волнующего установления тезиса о единстве права — это единство они видят в наличии общих критериев установления того, что есть действительное право (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. *Нормативные системы.* Гл. IV, п. 3), критикуя попытки Кельзена и других правоведов обосновать единство правовой системы как ее полноту и непротиворечивость (Там же. Гл. IV, п. 7).

чески безупречной нормативной системы применительно к рассматриваемому случаю. Фактически юристы (речь идет о семье романо-германского права) сознательно или бессознательно стремятся к построению такой идеальной системы, служащей в качестве рационального идеала,⁴⁸ но не способной описать правовую действительность.

От отрицания объективно заданной структуры системы права всего один шаг до отрицания полноты права — Альчуррон и Булыгин без колебаний делают этот шаг. Полнота права в их интерпретации есть лишь рациональный (в смысле независимости от политических, моральных и иных предпочтений) идеал, который служит ориентиром для создающих право законодателей и систематизирующих право юристов, но не является фактом правовой действительности. То же самое можно сказать и о непротиворечивости права. Вторая часть «Нормативных систем» преимущественно посвящена как раз развенчанию этих рациональных идеалов (без отрицания при этом их регулятивного значения для развития правоведения). С данной задачей авторы справились безукоризненно — правовед, рассуждающий об этих свойствах системы права, не может обойти стороной те рассуждения и доказательства, что были в изобилии приведены в «Нормативных системах» и в последующих сочинениях Альчуррона и Булыгина. Мы не будем останавливаться на характеристике этих доказательств, которые подробно изложены в гл. 7–9 «Нормативных систем», и перейдем к другому проблемному блоку.

Обыкновенным упреком в адрес позитивистских концепций права служило то, что позитивизм не допускает надзаконного критерия для проверки действительности, состоятельности позитивных законов. В интерпретации Г. Радбруха развитие правового позитивизма в Германии послужило одной из причин становления и укрепления фашистского режима.⁴⁹ Схожие упреки высказывались и в отношении сформулированной в «Нормативных системах» концепции права — наиболее показательным случаем такой критики явился ряд полемических работ немецкого правоведа Роберта Алекси.⁵⁰ Профессор Булыгин аргументировано показал несостоятельность подобных аргументов — правовой позитивизм совместим с признанием моральной ценности прав и свобод человека, с рассмотрением этих прав и свобод в качестве идеалов развития права, с возможностью критики позитивного права за нарушение таких прав и свобод.⁵¹ Декларативное установление «необходимой связи» между правом

⁴⁸ Там же. Гл. IX.

⁴⁹ «Позитивизм с его верой в принцип “закон есть закон” сделал немецких юристов беззащитными перед законами преступного содержания и диктуемыми произволом. При этом позитивизм не в состоянии самостоятельно обосновать действительность закона» (Радбрух Г. *Философия права*. М., 2004. С. 233). Подобные воззрения поддерживают и некоторые современные российские авторы (ср.: Варламова Н. В. *Юридический позитивизм и права человека* // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 156–166).

⁵⁰ Полемика между Р. Алекси и Е. В. Булыгиным переведена на русский язык и доступна отечественному читателю. Краткий обзор полемики см.: Антонов М. В. Спор Р. Алекси и Е. В. Булыгина о необходимой связи между правом и моралью // *Российский ежегодник теории права*. № 2. 2009. С. 34–37.

⁵¹ Булыгин Е. В. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // *Российский ежегодник теории права*. № 2. 2009. С. 38–41. — См. также: Булыгин Е. В. Алекси между позитивизмом и непозитивизмом // *Право Украины*. 2011. № 1. С. 59–70.

и моралью не предоставляет «гарантию того, что система, которая содержит как правовые, так и моральные нормы и принципы, будет совершенной и непротиворечивой».⁵² Права человека, несомненно, обязывают людей к определенному отношению к себе подобным и в этом смысле обладают действительностью. Но это действительность иного порядка, нежели право, например, действительность морали; права человека означают только «требование или призыв к позитивному правопорядку с точки зрения определенной морали»,⁵³ своего рода идеал. С формальной точки зрения такие права становятся частью права только с момента их закрепления в текстах позитивного права.

В этом плане отделение формального анализа права от его содержательного анализа с точки зрения идеалов его развития позволяет четче увидеть случаи неполноты права, которые могут быть заполнены в том числе и с учетом критериев, предлагаемых учением о правах и свободах человека. И не только случаи неполноты — уяснение того, что некоторые нормы позитивного права противоречат требованиям справедливости (с точки зрения той или иной этической системы), дает возможность вычленивать эти «дефектные» нормы и модифицировать их путем законодательных изменений (либо путем введения целенаправленных новаций в судебную практику, в юридическую доктрину), не подрывая при этом авторитет всего права в целом и не поощряя тем самым правовой нигилизм. Нередко внимательный анализ логической взаимосвязи правовых норм позволяет увидеть, что расхождения этих норм с идеалами справедливости, с правами и свободами человека суть лишь мнимые противоречия, связанные с некорректным выбором норм для квалификации юридически значимых ситуаций.

Равным образом и выявление принципов права возможно не только на основании интуитивных догадок, ангажированных той или иной системой этики, но и на основании формального анализа взаимосвязей, существующих в нормативных системах, входящих в соответствующий правопорядок.⁵⁴ Эти принципы могут рассматриваться не как вечные и неизменные, изъятые из-под действия случайных факторов, а как контингентные, зависящие от конфигурации данного правопорядка. Во всех этих случаях методика систематизации права, которую Альчуррон и Булыгин развивают в «Нормативных системах» и в последующих произведениях, дает возможность эффективно вычленивать и устранять те моменты в системе права, которые представляются недостатками этой системы (хотя авторы и не предлагают самих критериев для оценки — это вопрос этики, позитивной морали, политики, но не науки о праве). И позволяет сделать это отнюдь не хуже, чем произвольное изменение норм права, которое осуществляется под прикрытием того или иного списка прав человека.⁵⁵ Впро-

⁵² Булыгин Е. В. К проблеме объективности права. С. 12.

⁵³ Булыгин Е. В. К проблеме обоснования прав человека. С. 152.

⁵⁴ Тем самым создаются более прочные юридические гарантии против нарушения прав человека. См. об этом: *Bulygin E. Criminal Prosecutions of Human Rights Violations* // www.law.yale.edu/documents/pdf/Bulygin_Criminal_Prosecutions_of_Human_Rights_Violations.pdf.

⁵⁵ Да и сами по себе права человека не являются полным и непротиворечивым кодексом, в котором можно без труда найти конфликтующие нормы и принципы. О применении методологии «Нормативных систем» для анализа конфликтов между различными правами

чем, это один из вечных вопросов философии права, который в XX в. наиболее отчетливо был сформулирован в полемике Герберта Харта и Лона Фуллера.⁵⁶ Правовая концепция Альчуррона и Булыгина может быть рассмотрена в качестве одного из важнейших этапов развития этого вопроса.

Проблематика систематизации была не единственным предметом научного анализа Альчуррона и Булыгина. Эта проблематика изучалась в более широком контексте мировоззренческих проблем, с которыми сталкиваются юристы, а также ряда других юридико-технических вопросов. В более поздних работах Альчуррон и Булыгин фокусируют свое внимание на изменениях в нормативных системах и логических следствиях, к которым приводят такие изменения. Этой проблематике посвящены вошедшие в настоящее издание статьи «Право и время» Булыгина, «Экспрессивная концепция норм» и «О понятии правового порядка» Альчуррона и Булыгина, ряд других публикаций этих мыслителей и их соавторов. Значительное внимание уделялось проблематике исходных конститутивных норм («норм компетенции»), на которых строится правовой порядок.⁵⁷ Мы не будем останавливаться на комментариях этих и других работ, которые по сути своей являются развитием тезисов, обоснованных на страницах «Нормативных систем»; с некоторыми из них читатель может ознакомиться в настоящем издании.

Деонтическая логика и теория нормативных систем. Развитие деонтической логики как раздела модальной логики принято отсчитывать от публикации небольшой статьи Г. фон Вригта с одноименным названием в журнале «*Mind*» в 1951 г.⁵⁸ Этому примечательному событию предшествует длительная история становления подходов к логическому анализу норм и рассуждений о них, в ходе которой уточнялись само понятие нормы, особенности семантики норм и высказываний о нормах, а также специфика формально-логических отношений между ними.⁵⁹ Вектор развития, заданный этой статьей фон Вригта, находит свое воплощение и своеобразный концептуальный итог в вышедших свет двумя десятилетиями позже «Нормативных системах» К. Альчуррона и Е. В. Булыгина. На страницах влиятельного «*Journal of Symbolic Logic*» М. Крессвелл предсказал, что «данная книга не будет особо полезна читателям этого журнала, однако можно надеяться, что она поможет философам права»,⁶⁰ и, как оказалось, ошибся. И это произведение, и некоторые другие

и свободами человека см.: *Martinez-Zorilla D.* The Structure of Conflicts of Fundamental Legal Rights // *Law and Philosophy*. 2011. N 30. P. 729–749.

⁵⁶ *Харт Г. Л. А.* Позитивизм и разграничение права и морали // *Правоведение*. 2005. № 5. С. 102–136; *Фуллер Л. Л.* Позитивизм и верность праву — ответ профессору Харту // Там же. № 6. С. 124–159.

⁵⁷ *Bulygin E.* On Norms of Competence // *Law and Philosophy*. 1992. N 11. P. 201–216

⁵⁸ *Wright G. H. von.* Deontic Logic // *Mind*. 1951. N 60. P. 1–15.

⁵⁹ *Лисанюк Е. Н.* 1) «Нормативные системы К. Альчуррона, Е. Булыгина сегодня» // *Российский ежегодник теории права*. № 3. 2010. С. 234–268; 2) Развитие представлений о нормах в деонтической логике // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия»*. Т. 8. 2010. Вып. 1. С. 147–152.

⁶⁰ *Cresswell M. J.* Carlos E. Alchourron and Eugenio Bulygin. Normative Systems. Library of exact philosophy. N 5. New York; Vienna, 1971. XVIII + 208 pp. // *Journal of Symbolic Logic*. Vol. 38. N 2. June, 1973. P. 326–327.

статьи, развивающие и дополняющие идеи К. Альчуррона и Е. В. Булыгина и их соавторов, стали классическими в области логики — в деонтической логике и в логической теории изменения.⁶¹

Выделим, на наш взгляд, наиболее плодотворные из идей, предложенных в статьях, вошедших в данный том.

Во-первых, это идеи, касающиеся исследования семантики норм и выражений о нормах. Данные вопросы находятся в центре обсуждения в статьях «Экспрессивная концепция норм», «Нормативное знание и истина», отчасти затрагиваются в статье «Право и время», «Бог, свобода и детерминизм». Несмотря на то что семантические аспекты деонтической логики в «Нормативных системах» непосредственно не рассматриваются, Альчуррон и Булыгин осознают, что понимание сути нормы и вопросы содержательной семантики норм и логической семантики выражений, их содержащих, неразрывно связаны. В «Нормативных системах» они намечают этот ракурс исследования в рассуждениях о разграничении логического значения норм и нормативных предложений и в классификации разновидностей пробелов, препятствующих получению обоснованных решений. В дальнейшем авторы приходят к мысли о том, что сами нормы можно трактовать по-разному, и показывают, что нормативные системы, построенные на основе различных трактовок норм, будут отличаться. «У нас сложилось такое впечатление, что одни и те же существенные разграничения появляются в обеих концепциях (гилетической и экспрессивной. — Е. Л.), хотя, конечно, выраженные различным образом. Выбор между ними обусловлен онтологическими соображениями относительно природы норм, но, по-видимому, решающего критерия, который оправдал бы одобрение одной из них, не существует».⁶² На свои выводы по этим вопросам ученые опираются в статьях «Когда право молчит» и «Отделение и отменяемость в деонтической логике».

Во-вторых, это идеи, касающиеся логических и философских особенностей нормативных систем, а также их применения в правоведении, философии и логике, исследуемые так или иначе во всех работах, вошедших в настоящее издание.

Наконец, в-третьих, это идеи, уточняющие методы и подходы к изменению нормативных систем и логическому анализу такого изменения. Сообразно этому сначала кратко остановимся на месте и значении «Нормативных систем», обратившись к вопросу о соотношении логики норм и деонтической логики, затем рассмотрим логические аспекты понимания норм, а также создания и изменения нормативных кодексов.

Деонтическую логику часто отождествляют с логикой норм, что верно лишь при условии, когда логику норм понимают как логическую теорию нормативных систем (или несколько шире — нормативных контекстов, нормативного порядка и т. п.) Деонтическая логика — это раздел модальной логики, изучающий

⁶¹ См., напр.: *Hansen J., Pigozzi G., van der Torre L. W. N. Ten Philosophical Problems in Deontic Logic // Normative Multi-agent Systems / eds. G. Boella, L. W. N. van der Torre, H. Verhagen (Dagstuhl Seminar Proceedings, Internationales Begegnungs- und Forschungszentrum für Informatik (IBFI). Vol. 07122). Schloss Dagstuhl, Germany, 2007; Bentham J. van, Grossi D., Liu F. On the Two Faces of Deontics: Semantic Betterness and Syntactic Priority. (preprint) // <http://dare.uva.nl/record/387401> (2012, 12 июля).*

⁶² Альчуррон К., Булыгин Е. Экспрессивная концепция норм (в настоящем издании).

формальные связи внутри совокупностей норм, которые наряду с нормами также могут содержать высказывания о нормах и иные выражения, например описания ситуаций. В деонтической логике под нормой понимают адресованное ее социальному субъекту (агенту) предписание определенного характера — дозволяющего, запрещающего или обязывающего, указывающее на некое положение дел или действие, которое при наступлении некоторых условий является требуемым, желательным или недопустимым в зависимости от характера предписания. Логика норм и деонтическая логика рассматривают такую четырехсоставную структуру нормы, включающую субъект, объект, содержание и характер, с точки зрения принадлежности данному нормативному контексту (правопорядку, нормативной системе). Однако лишь первая из них, помимо этого, исследует норму на предмет ее выполнения или невыполнения агентом, представления агента о норме и о последствиях ее применения к некоторой ситуации. Логика норм также изучает нормы в смысле соотношения собственно нормативного установления и сопряженных с ним фактических положений дел.

В связи с пониманием сути нормы различие между логикой норм и деонтической логикой как ее частью заключается не столько в онтологическом статусе нормы, сколько в том, что считать ее содержанием. Эти два вопроса — онтологический статус нормы и особенности понимания ее содержания, т. е. того, чему приписывается некий характер, например обязательства или дозволения, — вообще говоря, не связаны между собой. Вместе с тем оба вопроса имеют решающее значение в смысле семантики норм. Поэтому исследователю, занимающий ту или иную позицию по каждому из этих вопросов, тем самым придерживается определенной трактовки логической теории норм. В частности, в зависимости от ответа на них можно разграничить деонтическую логику как теорию нормативных систем и логику норм, в рамках которой нормы не только исследуются как элементы нормативных систем, но берутся в более широком контексте, например, в аспекте регулирования поведения людей.

Вопрос об онтологическом статусе нормы играет центральную роль для установления логического значения норм, которое, в свою очередь, выступает необходимым элементом для определения отношения логического следования в духе А. Тарского. Поскольку ключевым объектом исследования и деонтической логики и логики норм является отношение логического следования применительно к нормативным контекстам,⁶³ постольку вопрос об установлении логических значений норм и выражений, описывающих нормы, т. е. вопрос логической семантики норм, занимает важнейшее место. Логическое следование — это уточнение класса таких отношений, где имеет место сохранение выделенного значения⁶⁴ при переходе от первоначальных выражений (оснований или по-

⁶³ Под нормативным контекстом здесь понимается некое произвольное собрание выражений одного языка, содержащее прескриптивные и дескриптивные высказывания. См. об этом: Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика // Логика. Учебник / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микуртумова, Б. И. Федорова. М., 2010. С. 377–424. — Термин «нормативный контекст» является аналогом понятия «нормативное множество», используемого в «Нормативных системах», с тем лишь отличием, что в случае с «нормативным контекстом» удастся избежать не всегда желательных теоретико-множественных коннотаций.

⁶⁴ Под выделенным значением в логической семантике понимается требуемое значение, чаще всего истинностное, т. е. определяемое в терминах «истина» и «ложь». Однако

сылки) к заключению (следствию). В силу того, что суть нормы в деонтической логике и логике норм трактуется по-разному, различным оказывается и спектр логических значений, приписываемых нормам и выражениям, их содержащим.

Норму можно трактовать двояко: как некую особую сущность и как определенное рода социального действие. В первом случае речь идет о гилетической концепции норм, и «норма с такой точки зрения есть абстрактная, исключительно умозрительная сущность», — утверждают Альчуррон и Булыгин в статье «Экспрессивная концепция норм». Во втором случае нормы рассматриваются как выраженные в языке действия-императивы и «являются результатом *пре-скриптивного или обязывающего использования языка*».⁶⁵ Деонтическая логика исследует два ряда сущностей — фактические и идеальные действия или положения дел — и делает это, представляя указанные сущности в виде описаний положений дел, которым в целях логического исследования можно приписать некоторые семантические значения. Иными словами, и положения дел, и действия, способные выступать в роли содержания нормы, в деонтической логике понимаются в русле гилетической концепции.

В отличие от гилетической, экспрессивная концепция норм фокусируется на действиях и представляет норму как определенное рода речевое действие. Содержанием такого речевого действия является описание действия или ситуации, нормативный же характер возникает из особых условий произнесения высказываний, включающих социальные, лингвистические и коммуникативные аспекты. Логическую теорию экспрессивно понимаемых нормативных высказываний называют логикой императивов, или прагма-деонтической логикой. Под первым из этих названий она уже имеет некоторую историю становления в XX в., второе появилось совсем недавно. Оба этих направления развития современной логики развиваются вне стандартной деонтической логики на отличных от нее концептуальных платформах. Нормативный характер приказания порождается внелогическими обстоятельствами, поэтому установить логические отношения между нормами в экспрессивном понимании нельзя. По этой причине многие сторонники экспрессивного подхода ставят существование логики норм под вопрос и склоняются к построению логики речевых действий, среди которых есть и императивное речевое действие, или приказание,⁶⁶ а также самореферентное приказание — обещание.⁶⁷

Различия, вытекающие из гилетической и экспрессивной концепции, приводят к тому, что некоторые аспекты норм и особенности функционирования нормативных систем логически выразимы в теориях, создаваемых на основе одной концепции, но невыразимы в теориях, предлагаемых в другой, и наоборот.

семантическое значение некоего выражения можно указать и иным способом, без эксплицитного использования истинностных значений, например алгебраически.

⁶⁵ Альчуррон К., Булыгин Е. Экспрессивная концепция норм (в настоящем издании).

⁶⁶ Такого рода формализмы были предложены Дж. Серлем и Д. Вандервекеном: Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 242–265. — Не все из них оказались жизнеспособными. См. об этом: Карпов Г. В. Иллокутивная логика: логическое следование, семантика и прагматика. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009.

⁶⁷ Yamada T. Acts of Promising in Dynamified Deontic Logic // Revised Selected Papers, Lecture Notes in Artificial Intelligence. Bd. 4914. Springer Verlag, 2008. P. 95–108.

Например, на основе гилетической концепции можно формально представить разновидности дозволений: эксплицитное (позитивное) позволение, привилегию, уполномочивание, установление двустороннего отношения между обладателем права и субъектом соответствующего обязательства.⁶⁸ Экспрессивная концепция не в состоянии выразить этого многообразия дозволений. Вместе с тем на ее основе при помощи дозволений можно указывать особенности авторизованного введения норм, что оказывается существенным при установлении иерархии нормативных систем в структуре правопорядка.⁶⁹ Гилетическая концепция такими выразительными возможностями не обладает.

Другим важным аспектом исследования норм является закрепляемый за ними онтологический статус. Нормы можно трактовать деонтологически, как ценностный или нормативный аспект реальности, факт бытия, не зависящий от действий или знаний людей. Этот подход Альчуррон и Булыгин называют реалистским. Помимо этого, нормы и ценности можно считать исключительно умопостигаемыми сущностями, указывающими на нечто, имеющее статус идеального положения дел или альтернативного существующему. Таков концептуалистский подход к норме.⁷⁰

В известном смысле и реалист, и концептуалист признают существование норм, однако понимают его по-разному. Реалист может утверждать, что нормы истинны или ложны, потому что считает их частью реальности. Поэтому для реалиста оказывается возможным построить и логику норм, при условии что для этого он будет придерживаться гилетической их концепции, и логику нормативных высказываний. Для концептуалиста говорить об истинности можно лишь в связи с нормативными высказываниями, т. е. описаниями норм, а в отношении собственно норм — проблематично.⁷¹ В составляющих центральное звено деонтической логики стандартных деонтических исчислениях вригтовского типа фактически речь идет о нормативных высказываниях, описывающих нормы, трактуемые в духе гилетической концепции. Понимать эти формализмы как характеризующие собственно нормы, т. е. как логику норм, можно лишь на основе реалистского деонтологического представления о норме.⁷²

Авторы «Нормативных систем» разграничивают логику норм и логику нормативных высказываний и, чтобы избежать путаницы в этом вопросе, вовсе отказываются от допущений реалистского толка. В качестве синтаксической

⁶⁸ Ковалевич О. С., Лисанюк Е. Н. К вопросу о роли позволений в логике норм и философии права // Логико-философские штудии. Вып. 10. СПб., 2012. С. 42–51.

⁶⁹ Булыгин Е. Разрешающие нормы и нормативные системы. С. 477–478.

⁷⁰ Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативное знание и истина (в настоящем издании).

⁷¹ Разграничение между нормами и нормативными высказываниями (предложениями) хорошо известно в философии права и логике норм. О нем писали И. Бентам, К. Гедениус, Й. Йоргенсен, Г. Кельзен, Р. Хэар и др. См., напр.: Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика. С. 378–379, 384–386; Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. фон. Избранные произведения. М., 1986. С. 290–293; Булыгин Е. В. Нормы и нормативные предложения: различия между ними и опасность их смешения // Правоведение. 2008 № 2. С. 147–153.

⁷² На основе разграничений между реалистским и концептуалистским пониманием онтологического статуса норм и между экспрессивной и гилетической концепциями норм можно сформулировать четыре теоретических подхода к исследованию норм. Нетрудно показать, что эти подходы не будут одинаково продуктивными в логическом смысле.

основы своих формальных построений они берут одно из деонтических исчислений вригтовского типа и проводят свое исследование на основе гилетической концепции норм. При этом они полагаются на концептуалистский подход, охватывающий как нормы, так и факты, специально структурируемые для этого через соответствующие универсумы.

Почему оказывается, что в «Нормативных системах» и факты (а не только нормы) трактуются в концептуалистском ключе? Ответить на этот вопрос несложно. Короткий ответ заключается в том, что случаи представлены через высказывания — мысленные описания положений дел. Более подробно это можно пояснить так. В «Нормативных системах» для того, чтобы сконструировать нормативное множество, из которого можно логически вывести норму или решение, специальным образом моделируются эмпирические обстоятельства такого решения — Универсум Свойств и Универсум Случаев, состоящий из сочетаний свойств, имеющихся в Универсуме Свойств. Сочетания свойств, формирующие случаи, получаются при помощи дизъюнктивных или конъюнктивных нормальных форм, т. е. через нормализацию описаний положений, выраженных высказываниями.⁷³

К. Альчуррон и Е. В. Булыгин считают, что в принципе возможны в равной степени обе — и логическая теория норм, и логическая теория нормативных высказываний, однако это разные логические теории. По мнению К. Альчуррона, чтобы построить логику норм, понимаемых гилетически и в концептуалистском ключе, можно, отказавшись от истинностных значений, распространить способность обладать каким-либо логическим значением и на нормы.⁷⁴ В некотором смысле такой путь противоположен тому, которым двигались ученые, отказывавшие нормам в логике. Они пытались истинностную семантику применить к нормам, которые в этом случае мыслились деонтологически в духе реализма, и это часто приводило к парадоксальным результатам.⁷⁵

Другой путь состоит в том, чтобы строить логическую теорию норм на основе теоретико-множественных представлений о собраниях норм. В этом случае для некоторого произвольного множества можно использовать некое формальное понимание логического следования вообще, а именно операцию превращения этого множества в систему путем применения к нему операции взятия следствий.⁷⁶ Этот подход был положен в основание концепции логически корректного изменения нормативного кодекса, распространенной впоследствии и на другие сферы, в частности на изменения убеждений, и получившей название «парадигмы AGM» по именам ее авторов — К. Альчуррона, Д. Макинсона, П. Герденфорса. В статье «Иерархии правил и их логика» на основе этого подхода предложен алгоритм сокращения нормативной системы с использованием частичного упорядочивания для уточнения разности, остающейся после сокращения.

⁷³ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. Гл. IV.

⁷⁴ Макинсон Д. Памяти Карлоса Альчуррона // *Российский ежегодник теории права.* № 3. 2010. С. 485.

⁷⁵ Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика. С. 401 и сл.

⁷⁶ Alchourron C. E., Martino A. A. Logic without Truth // *Ratio Juris.* Vol. 3. Issue 1. March 1990. P. 46–67.

Первый путь, или идея распространения неистинностных логических значений с норм на другие типы выражений, а не наоборот, вполне согласуется со ставшим уже классическим семантическим подходом А. Тарского к определению отношения логического следования. Второй путь, исследующий нормы в составе нормативных систем, идет вразрез с первым, сближая логику норм, с одной стороны, с усиливающимися в конце XX в. неологистскими тенденциями, а с другой — с антитарскианскими⁷⁷ и антифрегеанскими⁷⁸ настроениями в современной логике, вводящими логические исследования в сферы прагматики и теории игр.

Двигаясь в русле второго пути, Альчуррон и Макинсон приходят к выводу о том, что «в нашем подходе... нет ничего, что требовало бы от А быть системой норм или содержанием [кодекса] норм. Мы также можем выбрать А таким образом, чтобы А было произвольным множеством дескриптивных или теоретических или даже математических высказываний».⁷⁹

Таким образом, область исследования логики норм существенно шире деонтической логики и не сводится исключительно к сфере модальной логики, ответвлением которой является деонтическая логика. В практическом смысле этот водораздел между деонтической логикой и логикой норм заключается в следующем. Средствами деонтической логики можно выразить логические отношения внутри нормативных систем между нормами и иными элементами, но нельзя выразить отношения между разными нормативными системами, между действиями различных агентов, руководствующихся нормами, в том числе принадлежащими разным системам, или нарушающих их. Также невозможно выразить связь между нормой и ее выполнением или невыполнением, задействованием вследствие этого иных норм или нормативных систем, например мер санкций или поощрений. Выразительными средствами для этого, равно как и для анализа других аспектов нормативного регулирования, располагает логика норм. Вместе с тем, чтобы исследовать понятие нормы в составе нормативной системы — а это краеугольный камень логического анализа норм, — наиболее адекватным инструментом выступает деонтическая логика, что продемонстрировано в «Нормативных системах». При этом объектом логического анализа столь широкой области по-прежнему остается отношение логического следования, для уточнения особенностей которого в логике норм привлекаются элементы других логических теорий: эпистемической логики, или логической теории знаний и убеждений, временной логики, логики мультиагентных систем, теории игр и др.

Логики, философы и правоведы пользуются понятием «система» по-разному. Для логика формальная система — это совокупность выражений, для которых задан алгоритм их порождения через определения формального языка и правильно построенной формулы. В наиболее общем виде в формальной системе имеются два класса таких выражений, принимаемых без доказательства, — это

⁷⁷ Мигунов А. И. Риторическая рациональность и отношение логического следования // Логико-философские штудии. Вып. 10. СПб., 2012. С. 5–19.

⁷⁸ Hintikka J., Sandu G. A Revolution in Logic? // Nordic Journal of Philosophical Logic. Vol. 1. 1996. N 2. P. 169–183.

⁷⁹ Альчуррон К., Макинсон Д. Иерархии правил и их логика (в настоящем издании).

аксиомы и правила вывода, а также теоремы, получаемые путем применения вторых к первым. К формальным системам логики предъявляют ряд требований, среди которых непротиворечивость, полнота, корректность, избыточность (независимость) и др. Разумеется, не все формальные системы им соответствуют. Проверять систему на соответствие таким требованиям, можно, во-первых, классифицировать формальные системы, во-вторых, оценить их выразительный и дедуктивный потенциал и, в-третьих, расположить системы в определенном иерархическом порядке сообразно тому, каким требованиям они удовлетворяют. Ключевой особенностью формальной системы с точки зрения логики является необходимый характер истинности производных в ней высказываний, обеспечиваемый, с одной стороны, аксиоматическим базисом системы, с другой — выполнением требований корректности и непротиворечивости. Именно эта особенность формальной системы наиболее привлекательна в методологическом смысле.

К распространенным представлениям о формальных системах относится также их дедуктивная замкнутость.⁸⁰ Эта характеристика формальных систем, безусловно, важна, однако, по-видимому, не является не только достаточным условием их существования, но и необходимым условием их построения.

Понимать некую совокупность объектов как дедуктивно замкнутую означает, во-первых, абстрагироваться от всех других возможных отношений между ее элементами, кроме отношения дедуктивной выводимости, и, во-вторых, рассматривать эту совокупность как собрание абстрактных сущностей, не связанных с какими-либо эмпирическими объектами. Хорошим примером может служить логическая формальная теория, состоящая из высказываний, а вот совокупность нормативных систем, составляющих правопорядок, или даже отдельно взятый нормативный кодекс в качестве примера дедуктивно-замкнутого множества не годятся по следующим соображениям. Между элементами нормативного кодекса существуют разнообразные отношения, описывать которые при помощи исключительно отношения следования было бы неправомерным преувеличением. Иными словами, нормативные кодексы не являются дедуктивно замкнутыми множествами, хотя операция взятия следствий, основанная на дедуктивной выводимости, играет здесь важную роль. Это обстоятельство наиболее явным образом и продемонстрировали Альчуррон, Макинсон и Герденфорс, изучая процедуры изменения нормативных кодексов.

Итак, если бы действующий нормативный кодекс был дедуктивно замкнутой формальной системой, удовлетворяющей требованиям полноты и непротиворечивости, т. е. нормативной формальной системой, всякое решение, влекомое таким кодексом, было бы необходимо истинным следствием, или теоремой данной системы, и, значит, было бы обосновано независимо от каких-либо внешних по отношению к такому кодексу факторов или институтов.⁸¹ Таков наи-

⁸⁰ Множество элементов формальной теории является дедуктивно замкнутым, или замкнутым на операцию взятия следствий, если в нем единственной процедурой получения новых элементов выступает дедуктивная выводимость, т. е. оно содержит лишь аксиомы, правила и теоремы, следующие из аксиом по правилам вывода.

⁸¹ Лисанюк Е. Н. Что дозволено Юпитеру с точки зрения логики? // Вестник Мурманского государственного технического университета. Т. 5. № 3. С. 70.

вно-дедуктивистский взгляд на нормативный кодекс и его применение, базирующийся на так называемой ошибке дедуктивизма.⁸² Опасность этой ошибки состоит не в том, что дедуктивному по своей природе отношению логического следования придается тотальный характер, но в двух чрезмерных обобщениях, рискующих выплеснуть с водой и ребенка. Первое состоит в том, что сфера логического отождествляется со сферой социального; это неверно фактически, а методологически по меньшей мере некорректно. Второе обобщение и есть упомянутая ошибка, заключающаяся в том, что рациональные процедуры принятия решений отождествляются с логическими канонами выведения следствий путем их дедуцирования; это является чрезмерным обобщением.

Вместе с тем корректность логических процедур весьма привлекательна с точки зрения обоснования в праве;⁸³ использование их для такого обоснования хотя и не исчерпывает всего спектра инструментов обоснования в праве,⁸⁴ но, тем не менее, весьма желательно. К стремлению достичь такого идеала, уподобляющего справедливое решение логически корректному, нельзя подходить как к универсальному принципу, перестраивая нормативные кодексы на логический лад, — такова позиция К. Альчуррона и Е. В. Булыгина в «Нормативных системах»,⁸⁵ так думают и многие современные логики и правоведы.⁸⁶ Напротив, этот идеал выступает одним из методологических принципов юридической науки, и использовать его надлежит для того, чтобы уточнить те закономерные связи внутри нормативных контекстов, которые являются логическими. Тем самым, отграничив логические отношения внутри нормативных контекстов от того, что ими не является, можно не только систематизировать произвольное собрание норм при помощи логических средств, но и повысить эффективность принимаемых на его основе решений. Первым шагом в этом направлении должно стать изучение логических свойств того, что подчас поверхностно считают нормативной системой в праве, — утверждают К. Альчуррон и Е. В. Булыгин в «Нормативных системах».⁸⁷

Философы и правоведы редко понимают нормативную систему как формальную в логическом смысле по причинам различного характера. Во-первых, нормативные кодексы выступают результатом определенного этапа становления социума, а также результатом длительной работы законодателя по анализу этого этапа и закреплению его особенностей в кодексе. Во-вторых, нормативные кодексы как часть социального института права подвержены изменению

⁸² *Perelman H., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation / trans. J. Wilkinson, P. Weaver. Notre Dame, 1969. P. 197–198.*

⁸³ *Лисанюк Е. Н. Обоснование в праве с точки зрения логики // Миссия интеллектуала в современном обществе. Сб. статей / под ред. Ю. Н. Солонина и др. СПб., 2008 (Вестник СПбГУ. Приложение). С. 486–500.*

⁸⁴ *Лисанюк Е. Н. Аргументация в нормативных контекстах: подходы и проблемы // Коммуникативные практики в образовании. Сб. статей / под ред. С. И. Дудника. СПб., 2004. С. 216–233.*

⁸⁵ *Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. Введение.*

⁸⁶ См., напр.: *Гуастини Р. Выдающиеся аспекты «Нормативных систем» // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010. С. 493; Prakken H. Logical Tools for Modeling Legal Argument. Amsterdam, 1993. P. 15.*

⁸⁷ *Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. Гл. IV, п. 6.*

по мере развития общества и государства, вне зависимости от логических свойств этих кодексов. В-третьих, они содержат много высказываний, не являющихся нормами в логическом смысле, — это определения, разъяснения и т. п.

Вместе с тем, когда речь идет о применении норм некоторого кодекса к данному случаю для того, чтобы обосновать вынесение конкретного нормативного решения, юристы склонны апеллировать к кодексу как замкнутому и беспробельному, т. е. к дедуктивно замкнутой и полной системе в логическом смысле, несмотря на то что, во-первых, совокупность использованных норм не всегда есть система норм в строгом смысле,⁸⁸ и, во-вторых, взятая совместно с данными фактическими обстоятельствами, может быть противоречивым⁸⁹ или неполным нормативным множеством.⁹⁰

Таким образом, было бы преувеличением считать, что всякое вынесенное по делу решение является в строгом смысле выводением следствия из действующей совокупности норм. Имеется несколько факторов, характеризующих нормативное регулирование деятельности людей и свидетельствующих о том, что формулирование нормативного множества для последующего выведения из него следствия; т. е. некоего нормативного установления в качестве решения, — непростая задача. Эта задача состоит из двух взаимосвязанных частей: исследования касательно норм и касательно фактов. В первой из них требуется определить круг действующих норм, релевантных рассматриваемому случаю, а также установить среди них некую иерархию в связи с ним, во второй — уточнить важные фактические обстоятельства дела, отбросив несущественные детали. Рассмотрим логические аспекты этих исследований, поднимаемые в статьях, вошедших в издание.

Исследование касательно фактов, относящихся к делу, Альчуррон и Булыгин начинают в «Нормативных системах», где проводится граница между нормативными пробелами, или пробелами в праве, и пробелами распознавания. В последнем случае имеются в виду пробелы в знании, или проблемы отнесения, недостаток фактической информации о случае и семантическая неопределенность (пробел).⁹¹ В статье «Нормативное знание и истина» показано, что анализ и оценка ситуации в связи с какими-либо нормативными установлениями носит агентный характер и зависит от многих факторов, среди которых имеются социально и культурно обусловленные, а также такие, где выбор предпочитаемой позиции есть дело вкуса. Концептуальная направленность этой работы

⁸⁸ Альчуррон К., Булыгин Е. Право и время; Понятие правопорядка (в настоящем издании).

⁸⁹ Противоречие в кодексе норм, или нормативное противоречие, Альчуррон и Булыгин рекомендуют отличать от возможности возникновения эмпирической противоречивости кодекса, носящей случайный характер. Нормативное противоречие заключается в том, что в кодексе содержатся несовместимые нормы, как это обстоит в N_i в примере далее. Другой род противоречивости — эмпирическая случайная противоречивость — возникает, когда в конкретном случае две и более релевантные ему нормы, не составляющие нормативной противоречивой пары, оказываются и обязательными к выполнению, и невыполнимыми одновременно. Например, нормы (3) и (5) в кодексе N_i , при условии, что имеет место $(r \wedge \neg r)$. См. «Нормативные системы» в настоящем издании.

⁹⁰ Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. Гл. VIII, п. 4–7.

⁹¹ Там же, Гл. VIII.

лежит в области логики норм, тяготеет к индетерминистскому подходу в логике норм и отличается от ракурса изучения в «Нормативных системах», где, напротив, исследование основывается на детерминистском подходе.⁹² В указанной статье авторы обсуждают вопрос о том, каким образом агент может сформулировать линию поведения, руководствуясь существующим нормативным кодексом. Даже если предположить, что когнитивный консенсус в обществе относительно развития фактической ситуации достижим в будущем, что маловероятно, то обеспечить одинаковую аксиологическую оценку фактов можно лишь при условии, что все члены общества будут придерживаться единой ценностной иерархии. Второе предположение кажется еще менее вероятным, чем первое. В этой ситуации такие способы устранения эмпирических пробелов всех трех разновидностей, как познание и общественная дискуссия, вряд ли способны установить истину, однако можно надеяться на то, что они обеспечат знание фактов и, что, по-видимому, еще важнее, осведомленность о позициях других членов общества и социальных групп.

Перейдем к исследованию, касающемуся норм. Какие нормы из имеющихся в корпусе законов на момент рассматриваемого в деле события или на момент принятия решения надлежит считать действующими? Найти адекватный ответ на этот вопрос сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Законодательство Альчуррон и Булыгин понимают как правопорядок — последовательность нормативных систем, изменяющихся во времени.⁹³ Для того чтобы определить нормативные основания конкретного решения, необходимо учесть несколько аспектов действительности (валидности) норм. Норму можно считать действительной, если она принадлежит правопорядку, т. е. является элементом одной из составляющих его нормативных систем. Другим основанием действительности нормы выступает ее применимость, т. е. явно выраженное в законе требование руководствоваться данной нормой в определенных случаях. При принятии решения должно быть так, что релевантными для его вынесения сочтут нормы, удовлетворяющие обоим условиям, однако на практике это бывает не всегда. Иногда случается, что, несмотря на наличие в законодательстве нормы, явно относящейся к данному случаю, имеется также норма, требующая применять уже отмененную норму, потому что последняя, ныне утратившая силу, была действующей нормой на момент рассматриваемого в деле события.⁹⁴ Получается, что для вынесения решения по делу требуется сначала сформулировать на основе действующего правопорядка специальную совокупность норм, которая вопреки распространенному мнению вовсе не обязательно совпадет с нормативной системой, действующей на момент принятия решения, или с нормативной системой, действовавшей в момент рассматриваемого события.

Изменяющийся правопорядок помимо вопросов соотношения принадлежности и применимости норм есть также источник проблемы множественности од-

⁹² В индетерминистском подходе нормы рассматриваются с точки зрения представлений агентов о них, т. е. как факторы формулирования агентных стратегий. Детерминистский подход, характерный для деонтической логики, абстрагируется от субъектных представлений о нормах. См. подробнее: Лисанюк Е. Н. Э. Малли и его «Деонтика» // Известия УРФУ. 2012. № 4. С. 32–33.

⁹³ Альчуррон К., Булыгин Е. О понятии правового порядка (в настоящем издании).

⁹⁴ Альчуррон К., Булыгин Е. Право и время (в настоящем издании).

номоментных нормативных систем. Суть этой проблемы заключается в том, что установить, какая именно нормативная система получается в результате отмены некоторой нормы, бывает непросто. Всякая нормативная система включает в себя не только явным образом записанные в ней нормы и иные высказывания, но и все их логические следствия, даже если они эксплицитно в этой нормативной системе не представлены. Например, если в системе N_i имеются нормы

- (1) $O(p \supset r) \wedge Pq$,
- (2) $O\neg p$,
- (3) $O(\neg p \supset \neg q)$,
- (4) Pr
- (5) $O(r \supset q)$,

то из второй и третьей норм следует, что данная система требует воздержаться от выполнения q , хотя явно данный запрет не выражен. Вместе с тем дозволение выполнить q является следствием первой нормы. Взятые вместе, эти два следствия недвусмысленно говорят о противоречивости системы N_i . Предположим, законодатель намерен устранить этот недостаток. Какую норму (нормы) надо удалить из N_i , чтобы она перестала быть противоречивой? Ни одна из норм противоречивой пары явным образом в N_i не содержится, обе являются следствиями из других норм, поэтому чтобы избавиться от противоречивости системы N_i , нужно сначала уточнить, какие именно нормы, записанные в N_i , влекут эти следствия. При кажущейся простоте такой задачи, она может и не иметь однозначного решения.

Так, в нашем примере законодатель в зависимости от того, какую из норм, содержащую q или $\neg q$, желательно сохранить, может принять следующие решения по удалению норм соответственно:

- а) $O\neg p$; б) $O(\neg p \supset \neg q)$; в) $O\neg p$ и $O(\neg p \supset \neg q)$;
или
г) $O(p \supset r) \wedge Pq$; д) $O(p \supset r) \wedge Pq$ и $O(r \supset q)$.

Поскольку операцию по устранению норм из нормативной системы можно производить несколькими корректными путями, вопрос о том, какой из них предпочесть, относится к компетенции законодательного органа и может быть решен по-разному. Ясно, что удаление путем простого вычеркивания нормы из списка норм данной системы может удовлетворять задаче отмены нормы только в отдельных случаях. В большинстве ситуаций для отмены нормы потребуется проанализировать систему на предмет взятия логических следствий, чтобы убедиться в том, что других противоречивых норм, кроме намеченных к удалению, в ней больше нет, и только затем приступить к удалению.

Логическим аспектом этой операции выступает лишь ее техническая сторона, однако если не принимать ее во внимание и попытаться разорвать «гордиев узел» противоречия в системе, просто удалив из нее норму, содержащую либо q , либо $\neg q$, неминуемо возникает другая проблема: какие именно нормы остались в системе после отмены? Этот вопрос можно поставить и по-другому: какая нормативная система после произведенной отмены является действующей, т. е. принадлежит актуальному правопорядку и является применимой? Как видно на примере с N_i , отмену нормы можно производить разными способами. Кроме

этого, как показывают Альчуррон и Макинсон,⁹⁵ в силу логических особенностей операции удаления не всегда после изменения нормативной системы путем отмены какой-либо нормы можно указать уникальную разность, т. е. дать однозначный ответ на вопрос о том, что представляет собой оставшаяся система.

Исследованием логических и правовых аспектов изменения нормативных систем, в том числе и путем отмены, К. Альчуррон и Е. В. Булыгин заинтересовались в 1970-е гг. В подборках статей в настоящем издании несложно проследить этапы продвижения этих исследований в направлении поиска решений. В работе 1976 г. «О понятии правового порядка» изменение нормативной системы формулируется как философско-правовая проблема, вводятся необходимые терминологические разграничения (нормативная система, правопорядок и др.), обосновываются идея о логических основаниях этой проблемы и соображения о логических путях ее решения. В зависимости от того, каким образом понимается суть нормы, гилетически или экспрессивно, реализация процедуры отмены нормы также будет отличаться, — такой вывод сформулирован в статье «Экспрессивная концепция норм» (1981 г.). В статье 1982 г. «Право и время» показано, насколько существенным для права является разграничение разных понятий действительности нормы. Норму можно считать действительной, если она принадлежит действующему правопорядку, а также если она применима в некотором конкретном случае, в соответствии с неким кодексом норм. Оба эти аспекта действительности нормы выступают описаниями действующего характера данной нормы и являются ее относительными характеристиками, потому что показывают, каким образом норма связана с кодексом норм: непосредственно в случае принадлежности и опосредованно в случае применимости — через некоторый кодекс норм. Сказать о норме, что она действительна, можно в абсолютном смысле и прескриптивно, если иметь в виду, что данная норма обладает обязывающей силой.⁹⁶ Разграничение между разными понятиями действительности нормы оказывается особенно важным в свете проблемы изменения нормативной системы путем упорядочивания или отмены каких-то ее норм, потому что такие изменения влекут для одной и той же нормы различные последствия в зависимости от того, в каком смысле понимается ее статус как действующей нормы. Так, чтобы корректно отменить норму, принадлежащую правопорядку (в дескриптивном смысле), требуется лишь удалить соответствующее нормативное содержание из кодекса. Отмена обязательной к выполнению (в прескриптивном смысле) нормы потребует, помимо этого, устранения норм, следствием которых может выступать данная норма. И наконец, отменить норму, действительную в смысле применимости в некотором конкретном случае, означает устранить не саму эту норму, но другую норму — ту, что требует применить данную норму к данному случаю.

Вопросы о том, как изменять нормативный кодекс, и о том, каким образом однозначно устанавливать отменяемое и оставшееся (разность), если это вообще возможно сделать с однозначным результатом, — становятся центральными для сугубо логического исследования, к которому сначала приступает К. Альчуррон, потом присоединяется Д. Макинсон, до этого независимо из-

⁹⁵ Альчуррон К., Булыгин Е. Иерархии правил и их логика (в настоящем издании).

⁹⁶ Булыгин Е. Право и время (в настоящем издании).

учавший другие логические вопросы, приведшие его к логике изменения. Альчуррон искал логические механизмы корректного удаления норм из нормативной системы, а интерес Д. Макинсона лежал в области исследования базовых синтаксических постулатов модальной логики, он изучал процедуры выводимости для модальностей вообще и поначалу не усматривал никаких логических проблем, связанных с отменой норм.⁹⁷ Вскоре выяснилось, что к этой же проблеме, но совсем иным путем, подошел П. Герденфорс. В своих проектах он стремился сформулировать понятия о логических отношениях, свободных от онтологических допущений, неизменно сопутствующих семантическим их определениям. Творческий тандем Альчуррон — Макинсон, а затем и трио Альчуррон — Макинсон — Герденфорс оказались настолько продуктивными, что не только выдвинули логическую теорию изменения, в которой вопросы отмены норм стали частным случаем, но и открыли новую область в логике,⁹⁸ эпистемологии⁹⁹ и, как теперь становится очевидным, в сфере информационных технологий.¹⁰⁰ Речь идет о платформе *AGM* — этой аббревиатурой принято называть теоретико-множественный подход к логической теории изменения.

В чем же состоит логически корректный способ изменения теории, и каким логическим постулатам такое изменение должно соответствовать? Начнем с того, что изменение формальной теории, например нормативного кодекса, может быть произведено по-разному. Теорию, например нормативный кодекс, можно расширить путем добавления к ней некоторого положения (нормы), а можно — путем соединения с другой теорией (нормативным кодексом). В обоих случаях теория будет изменена через расширение. Теорию можно модифицировать, вычеркнув из нее некое положение, т. е. просто удалив его, а можно сделать это через внесение поправки. В логическом смысле внесение поправок есть составная операция, в ходе которой из теории устраняют какой-то элемент, заменяя его новым. Эта процедура получила название ревизии теории. Ревизию теории разумно проводить с проверкой того, сохранились ли после ревизии свойства, которыми теория обладала первоначально. В последнем случае будет иметь место не просто ревизия, но ревизия плюс соответствующее упорядочивание теории, т. е. установление в ней некоторой иерархии. Упорядочивать теорию можно и вне зависимости от того, применяли ли в ней ревизию, добавления или сокращения. Упорядочивание теории (кодекса) может быть желательным и с целью установить в ней приоритет одних элементов

⁹⁷ Макинсон Д. Памяти Карлоса Альчуррона. С. 487.

⁹⁸ См. обзор в: Hansson S. O. Logic of Belief Revision // Stanford Encyclopedia Of Philosophy / ed. E. Zalta (<http://plato.stanford.edu/entries/logic-belief-revision> (2012, 15 окт.)). — См. также: Hansson S. O. A Textbook of Belief Dynamics. Dordrecht, 1999.

⁹⁹ См. обзор в: Peppas P. Belief Revision // Handbook of Knowledge Representation / ed. by F. van Harmelen, V. Lifschitz, B. Porter. Elsevier, 2008. P. 317–359.

¹⁰⁰ Проблематика изменения баз данных в 1970–80 гг. развивалась независимо от логических аспектов изменения убеждений, однако опубликование в середине 1980-х гг. основных положений *AGM* оказало существенное влияние на нее, выразившееся в создании ряда алгоритмов модификаций баз данных и соответствующих ИТ-продуктов на их основе. См., напр.: Herzig A. Logics for Belief Base Updating // Handbook of Defeasible Reasoning and Uncertainty Management / eds. D. Dubois, D. Gabbay, H. Prade, P. Smets. Vol. 3. Belief Change. Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 189–231.

(норм) над другими применительно к конкретному случаю. Его также можно использовать, чтобы уточнить, какую из оставшихся после отмены совокупностей норм надлежит предпочесть.

Теперь будет уместно вспомнить об особенностях методологического характера, связанных с прикладным использованием нормативных кодексов. Как говорилось выше, для того, чтобы сформулировать логически корректное решение по делу с опорой на некое нормативное множество, построенное в соответствии с неким действующим нормативным кодексом, необходимо представить это множество в виде нормативной системы, т. е. формальной теории, в том, что касается обладания логическими свойствами — непротиворечивостью, полнотой и др. Поэтому, изменяя нормативный кодекс тем или иным способом, было бы весьма желательно, во-первых, чтобы эти свойства не были утрачены, если они были присущи или, напротив, приобретены, и, во-вторых, осуществить эти изменения так, чтобы их результат был корректным в логическом смысле. Последнее означает, что результат изменения не только должен соответствовать основным логическим постулатам, но и быть необходимым, т. е. уникальным.

Одно из обстоятельств, превращающее изменение теории в нетривиальную задачу, заключается в сложности (*complexity*) самой изменяемой теории. Так, N_i в примере выше состоит из пяти норм, которые в случае отмены дают несколько вариантов решений, поэтому об однозначности процедуры и уникальности ее результата потребуются позаботиться отдельно даже в таком простом случае. Что и говорить о реальных нормативных кодексах, где количество норм хотя и конечно, но труднообозримо. Поэтому предварительными условиями применения методики *AGM* к некоторому множеству (норм) являются его непротиворечивость и дедуктивная замкнутость — эти два свойства, взятые вместе, обеспечивают возможность пересчитать элементы множества, т. е. его обозримость.

Рассмотрим на том же примере, как можно изменить систему N_i через отмену какой-либо содержащейся в ней нормы. Чтобы удалить некую норму или вообще элемент x ($x \in N_i$) из этого множества, сформулируем набор наибольших (максимальных) подмножеств множества N_i , не содержащих x , причем таких подмножеств, из которых x не выводимо. В случае оставления содержания q в N_i , т. е. $(N_i \perp \neg q)$ ¹⁰¹ таких подмножеств будет три:

$$(N_i \perp \neg q)_1 = \{(1), (3), (4), 5)\};$$

$$(N_i \perp \neg q)_2 = \{(1), (2), (4), 5)\};$$

$$(N_i \perp \neg q)_3 = \{(1), (4), 5)\}.$$

Если предпочтительно оставить $\neg q$ в N_i , т. е. $(N_i \perp q)$, то два:

$$(N_i \perp q)_1 = \{(2), (3), (4), 5)\};$$

$$(N_i \perp q)_2 = \{(2), (3), (4)\}.$$

¹⁰¹ Здесь и далее используются те же условные обозначения, что и в статьях. Выражение $(N_i \perp \neg q)$ обозначает подмножество (подмножества) N_i , не содержащее $\neg q$ и следствий из него. Выражение $(N_i \div \neg q)$ означает подмножество N_i , полученное в результате ревизии N_i через сокращение $\neg q$ и следствий из него.

Как видим, в каждом случае имеется несколько путей устранения одного и того же нормативного содержания. Для того чтобы достичь однозначности после отмены, т. е. определить уникальную *разность*, потребуется принять решение о том, как производить удаление. Это решение равнозначному тому, какое из образовавшихся после удаления подмножеств предпочесть. Альчуррон и Макинсон предлагают воспользоваться функцией выбора для тех случаев, когда количество таких подмножеств больше одного. Самый простой способ — задать функцию выбора одного из них как пересечение получившихся подмножеств, тогда в качестве результата получим

$$(N_i \perp \neg q)_3 = (N_i \div \neg q) = \{(1), (4), (5)\}$$

и

$$(N_i \perp q)_2 = (N_i \div q) = \{(2), (3), (4)\}.$$

Ясно, что каждое из полученных подмножеств дедуктивно выводимо из исходного множества. Значит, многоходовую операцию отмены, состоящую из удаления элемента, создания соответствующих подмножеств, не содержащих ни этого элемента, ни элементов, из которых его можно дедуцировать, их сравнения и выявления их пересечения, можно попытаться произвести сразу на основе получения логических следствий из исходной системы. В этом и заключается одна из основных идей *AGM* — отмену с ревизией рассматривать как единую операцию *сокращения* [множества путем] *максимального выбора* (*maxichoice contraction*) [разности]. Эта операция сокращает некое дедуктивно замкнутое множество и выдает (в идеале) однозначный результат, присваивая уникальность одному из образовавшихся подмножеств. Альчуррон и Макинсон назвали свой метод корректным сокращением (*safe contraction*). В самом деле, если целью отмены через сокращение является окончательное избавление от некоторого элемента первоначального множества, то чем больше его элементов, таких, из которых не следует удаленный элемент, остается в результате, тем вероятнее, что не будет удалено слишком много.

В отличие от этого использование методики *сокращения путем частичного пересечения* — также одной из методик *AGM* — применительно к N_i выдает в качестве результата *минимальное* из всех допустимых подмножеств. В реальной ситуации законодатель может быть заинтересован не только в том, чтобы после отмены нормы максимально сохранить изменяемый им нормативный кодекс, но иногда и в том, чтобы устранить максимальное множество элементов, «подозрительных» в смысле возможности выведения нежелательного следствия. Для этого в *AGM* предусмотрена операция *сокращения* [путем] *частичного пересечения* (*partial meet contraction*) [разностей], выбирающая наименьшее из образованных после удаления подмножеств через их пересечение. Особый случай сокращения максимального выбора — это *сокращение* [путем] *полного пересечения* (*full meet contraction*); оно имеет место, когда подмножество, выступающее результатом сокращения [путем] *частичного пересечения*, и подмножество, полученное как результат сокращения максимального выбора, идентичны, при условии что они непусты.

Чтобы применить сокращение максимального выбора к N_i , сначала придется исследовать нормативный кодекс на предмет соответствия постулатам *AGM* и только затем приступить к его модификации. Это необходимо для того, чтобы

обеспечить корректность результата операции. Одним из способов ее проверки является тест Рамсея, заключающийся в том, что, если после отмены снова добавить отмененное к разности, должно получиться первоначальное множество. Легко проверить, что ни $(N_i \div -q) = \{(1), (4), (5)\}$, ни $(N_i \div q) = \{(2), (3), (4)\}$ такой проверки не выдерживают. Причины этого могут следующие: либо первоначальное множество не было дедуктивно замкнутым, либо было противоречивым, или и то и другое вместе. В случае с N_i — это, как минимум, противоречивость данного кодекса.

Стало быть, для того чтобы иметь возможность оперировать неким нормативным кодексом как нормативной системой, сначала надлежит устранить по крайней мере этот недостаток. Означает ли неоднозначность результата сокращения кодекса путем частичного пересечения, что к противоречивым кодексам эта методика неприменима? Разумеется, нет. Пример с N_i свидетельствует о том, что данная методика не дает однозначного результата, и функцию выбора (разности) в случае удаления элемента из противоречивого множества требуется сформулировать специально.

Для устранения противоречия из нормативного кодекса авторы указывают два способа: удалить одно или оба противоречивых нормативных содержания или упорядочить кодекс, ничего не удаляя. Во втором случае это означает, что путем упорядочивания кодекса можно попытаться «изолировать» проблемную часть кодекса, сохранив остальное для эффективного использования, однако прерогатива принятия решения делегирована законодателем судье. Именно в этом и состоит прикладная часть проекта систематизации права, выдвинутого авторами «Нормативных систем».

Действительно, второй способ более действенный на практике, потому что он позволяет справиться и с нормативным, и с эмпирическим противоречием. Всякое произвольное собрание норм можно считать упорядоченным на основе отношения тождества, так что нормы в этом собрании «равноправны». В праве имеется ряд традиционных способов упорядочивания кодексов, отмечают Альчуррон и Булыгин,¹⁰² однако ни один из этих способов сам по себе не поможет выявить противоречивость системы.

Один из способов упорядочить кодекс норм таким образом, чтобы справиться с подобной ситуацией, — установить иерархию норм по степени релевантности рассматриваемому случаю. Помимо этого нам потребуется также превратить его в замкнутое нормативное множество, например, при помощи операции взятия следствий.¹⁰³ Для преодоления нормативной противоречивости кодекса применение этой операции позволит выявить не только нормы, составляющие противоречие, но и те нормы, из которых могут быть дедуцированы «подозрительные» в этом смысле следствия. Такую процедуру упорядочивания с «изолированием» Альчуррон и Макинсон называют *вынесением*, и ос-

¹⁰² Альчуррон К., Булыгин Е. Экспрессивная концепция норм (в настоящем издании).

¹⁰³ Замыкание некой совокупности норм как логическая операция указывает способ получения новых норм из имеющихся и тем самым делает из открытого добавления собрания замкнутое (т.е. закрытое для добавлений) множество (систему), обеспечивая его функциональную беспробельность. На практике для этого используются так называемые принципы права. Один из них — «разрешено все, что не запрещено» — был изучен Альчурроном и Булыгиным в «Нормативных системах» и в статье «Когда право молчит».

новые требования к кодексу для ее проведения состоят в том, чтобы он был непустым и конечным. Очевидно, что им удовлетворяет и N_i и, по-видимому, большинство реальных кодексов. Проверим, какой результат даст вынесение для N_i и сформулируем N_j при помощи операции взятия следствий: $Cn(N_i) = N_j$. Допустим, что нормативное содержание r в наибольшей степени относится к некоему случаю, и поэтому будем считать, что подмножество $A = \{(1), (4), (5)\}$ более релевантно этому случаю, чем $B = \{(2), (3)\}$, в силу чего $A < B$, т.е. A строго более *показательно* (*exposed*), нежели B . Это означает, что вынесение, примененное к N_j с учетом введенного нами упорядочивания внутри него, устанавливает $(\neg r \wedge (\neg r \supset \neg q))$, из которого и следует $\neg q$, т.е. нежелательное нормативное содержание, одно из противоречивой пары. Соответственно, чтобы принять решение в указанном случае, необходимо «изолировать» установленное нормативное содержание, т.е. к решению этого случая применить подмножество A .¹⁰⁴

Операция взятия следствий как составная часть упорядочивания нормативного кодекса играет ключевую роль и при отмене, так как ряд постулатов AGM фокусируется вокруг нее. Всего имеется шесть основных постулатов и два дополнительных.¹⁰⁵

1 (замыкание) $K \div \alpha = Cn(K \div \alpha)$.¹⁰⁶

Реальные нормативные кодексы конечны, однако могут быть весьма обширными с трудно выявляемой внутренней структурой, если она вообще имеется, помимо первоначального упорядочивания на основе тождества. Постулат замыкания, как уже говорилось выше, обеспечивает обозримость нормативной системы, трансформируя кодекс вне зависимости от его объема и наличия какой-либо иерархии в нормативную систему, упорядоченную на основе отношения логического следования.

2 (включение) $K \div \alpha \subseteq K$.

Постулат включения требует, чтобы множество, полученное в результате сокращения, было подмножеством первоначального множества.

3 (пустота) Если $\alpha \notin Cn(K)$, то $K \div \alpha = K$.

Постулат пустоты гласит, что если отменяемое не было элементом первоначального множества, то последнее должно остаться прежним.

4 (успешность) Если $\alpha \notin Cn(\emptyset)$, то $\alpha \notin Cn(K \div \alpha)$.

Постулат успешности обеспечивает, чтобы α , удаляемое из K , не было элементом полученной в результате его удаления разности ни само по себе, ни в качестве следствия из других элементов K .

5 (сохранение) Если $\alpha \leftrightarrow \beta \in Cn(\emptyset)$, то $K \div \alpha = K \div \beta$.

Пятый постулат требует, чтобы отменяемые из одного и того же множества тождественные высказывания (нормативные содержания) влекли тождественность получаемых разностей.

¹⁰⁴ В данном случае можно ограничиться отменой одного из конъюнктов вынесения. См., напр.: Альчуррон К., Бульгин Е. Иерархии правил и их логика (в настоящем издании).

¹⁰⁵ Альчуррон К., Герденфорс П., Макинсон Д. Логика теории изменения... (в настоящем издании).

¹⁰⁶ Где K — множество норм, α, β — произвольные нормативные содержания из K .

6 (восстановление) $K \subseteq (K \div \alpha) + \alpha$.

Постулат восстановления обеспечивает минимальность количества отменяемых элементов, так что результатом будет наибольшее подмножество первоначального множества. Этот постулат совпадает с тестом Рамсея.

Согласно теореме о представлении сокращения частичного пересечения такая операция должна удовлетворять всем шести указанным постулатам.

Дополнительные постулаты характеризуют сокращение частичного пересечения и функцию выбора одного из оставшихся после отмены подмножеств. Такая функция выбора задает некоторое отношение предпочтения между этими множествами, и поскольку это бинарное отношение, оно также является транзитивным и антисимметричным, при условии что оставшиеся подмножества непусты.

Так, если необходимо устранить конъюнкцию, как в случае с N_j , то можно удалить либо один из конъюнктов, либо оба. Тогда, устраняя оба конъюнкта, мы также устраняем все те элементы, которые были бы устранены в случае отмены каждого из конъюнктов. Тем самым все, что остается после отмены конъюнкции, должно быть подмножеством того, что остается после отмены каждого из конъюнктов.

7 (конъюнктивное включение) Если $\alpha \notin K \div (\alpha \& \beta)$, то $K \div (\alpha \& \beta) \subseteq K \div \alpha$.

В случае с N_j мы можем отменить вынесенную конъюнкцию, из которой следует нежелательное нормативное содержание $\neg q$, и это будет ревизия при помощи сокращения частичного пересечения. Однако ревизию можно выполнить и через сокращение максимального выбора, причем двумя путями, удалив либо один из вынесенных конъюнктов, либо другой. При этом разность $N_j \div (\neg p \& (\neg p \supset \neg q))$, получаемая в первом случае, будет подмножеством каждой из разностей $N_j \div (\neg p)$ и $N_j \div (\neg p \supset \neg q)$, получаемых во втором случае.

Другим полезным свойством сокращения частичного пересечения является свойство, выраженное в постулате конъюнктивного совпадения. Согласно этому постулату пересечение подмножеств, оставшихся после устранения каждого из двух разных элементов, должно быть подмножеством остатка после устранения их конъюнкции из того же первоначального множества. Нетрудно проверить, что для разностей $N_j \div (\neg p \& (\neg p \supset \neg q))$, $N_j \div (\neg p)$ и $N_j \div (\neg p \supset \neg q)$ этот постулат также выполняется.

8 (конъюнктивное совпадение) $(K \div \alpha) \cap (K \div \beta) \subseteq K \div (\alpha \& \beta)$.

Операция сокращения частичного пересечения является относительно транзитивной, если выполняются постулаты 7 и 8.

Сегодня АГМ по праву считают логической классикой в том виде, в каком она была выдвинута тремя авторами в статье 1985 г. «Логика теории изменения: функции ревизии и сокращения через частичное пересечение». Несмотря на успех, сопутствовавший этому начинанию трех ученых, позиции Альчуррона, Макинсона и Герденфорса касательно отмены и ревизии множества нельзя считать тождественными. Внимательный читатель может легко в этом убедиться, сопоставив эту статью с работой К. Альчуррона и Д. Макинсона 1981 г. «Иерархии правил и их логика», а также со статьей К. Альчуррона «Отделение и отменяемость в деонтической логике».

Во-первых, все три автора понимали, что в АГМ некая теория, об изменении которой идет речь, представлена в идеализированной форме множества высказываний, что позволяет сформулировать основные логические постулаты

процедуры изменения на ограниченной таким образом модели. Ни нормы или нормативные предложения, исследуемые до этого Альчурроном, ни убеждения или их совокупности, независимо рассматривавшиеся Герденфорсом, строго говоря, не являются ни просто высказываниями, ни дедуктивно замкнутыми множествами высказываний. При этом Альчуррон и Макинсон принимали эту идеализацию как абстрактное представление кодекса норм, методологически тяготеющего к тому, чтобы быть замкнутым множеством норм. П. Герденфорс видел полезность такой идеализации в том, что открытая по своей природе база убеждений (*belief base*) рассматривается как дедуктивно замкнутое множество убеждений (*belief set*), что дает возможность моделировать не только сами убеждения, но и следствия, которые логически из них вытекают. Опасность такого рода идеализации получила название проблемы «логического всеведения».¹⁰⁷ На практике агент, принимая некое убеждение, не всегда осознает все его следствия и, следовательно, не считает эти следствия своими убеждениями. Аналогично, законодатель, издающий кодекс норм, или судья, принимающий решение по делу на основе этого кодекса, не выводят всех логических следствий из множества норм, составляющего данный кодекс, и, следовательно, не считают, что все эти следствия являются членами данного множества.

Во-вторых, Альчуррон и отчасти Макинсон считали, что ключевую роль в теории изменения играет логическая операция отмены, или корректного сокращения множества, как она стала называться в контексте *AGM*, а операция ревизии является производной по отношению к сокращению. П. Герденфорс, напротив, полагал, что постулаты теории изменения призваны определить именно ревизию, частным случаем которой может быть ее сокращение.

В-третьих, между Альчурроном и Макинсоном были разногласия по другому вопросу. Макинсон склонялся к тому, что операции ревизии в качестве базового логического упорядочивания более соответствует отношение кумулятивной выводимости, а не классическая дедуктивная выводимость, на которой зиждутся систематизация кодекса в «Нормативных системах» и операции сокращения и ревизии в *AGM*. Кумулятивная выводимость — это немонотонная разновидность отношения логического следования.¹⁰⁸ В случае классической выводимости если заключение α следует из множества посылок — высказываний Γ , то оно также следует из него, взятого совместно с другим высказыванием или множеством высказываний Δ :¹⁰⁹

(ДВ) Если $\Gamma \vdash \alpha$, то $\Gamma, \Delta \vdash \alpha$.

В соответствии с кумулятивной выводимостью, как подсказывает ее название, все полученные заключения «аккумулируются», и далее только они служат посылками для выведения новых заключений:

(КВ) Если $\Gamma \mid \sim \alpha$ и $\Gamma \mid \sim \beta$, то $\Gamma, \alpha \mid \sim \beta$.

¹⁰⁷ Нечитайлов Ю. В. О единстве основания проблемы логического всеведения // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 1. 2012. СПб., 2012. С. 27–36.

¹⁰⁸ См. подробнее: Черноскутов Ю. Ю. Немонотонная логика // Символическая логика. Учебник / под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. СПб., 2005. С. 472–476.

¹⁰⁹ \vdash — знак дедуктивной выводимости, так называемый «штопор», $\mid \sim$ — знак кумулятивной (немонотонной) выводимости, иногда называется «змеей».

Кумулятивная выводимость (КВ) носит немонотонный характер, потому что в ней принцип монотонности дедуктивной выводимости (ДВ) заменен на принцип кумулятивной монотонности. Кумулятивная выводимость в отличие от дедуктивной выводимости в большей степени отражает способ накопления базы убеждений, когда новые убеждения могут быть добавлены, только если они получают подтверждение на основе убеждений, уже имеющихся в ней. Вместе с тем дедуктивная выводимость позволяет лучше выразить эмпирический характер отношения между нормативными установлениями, добавляемыми в кодекс норм, и нормами, уже имеющимися в нем. На практике законодатель вправе добавить новую норму в существующий кодекс, руководствуясь практическими соображениями, возможно, никак не связанными с закрепленными в кодексе нормами. В результате новая норма может быть независимой по отношению к тем, что уже были в кодексе. В таком случае удобнее представить кодекс норм как некое множество Γ , которое станет подмножеством вновь образуемого множества Δ , как только законодатель расширит Γ за счет новой нормы. Тогда дедуктивное замыкание как способ упорядочивания кодекса сохранит эти отношения включения, потому что операция взятия следствий S_n основана на дедуктивной выводимости и, значит, монотонна:

Если $\Gamma \subseteq \Delta$, тогда $C_n(\Gamma) \subseteq C_n(\Delta)$.

Такое положение дел, когда применение логической операции сохраняет отношения включения между прежним кодексом и его расширенной версией, вполне согласуется со здравым смыслом, тогда как результат использования кумулятивного замыкания в этом случае способен законодателя удивить. В самом деле, если вместо дедуктивного замыкания к тому же самому добавлению применить немонотонное кумулятивное замыкание C , то придется также присовокупить дополнительное условие, чтобы полученное за счет расширения множества Δ было подмножеством множества кумулятивных следствий из первоначального множества $C(\Gamma)$, т. е. $\Delta \subseteq C(\Gamma)$, в соответствии с постулатами кумулятивной выводимости. В итоге множество кумулятивных следствий первоначального множества Γ и множество следствий его версии Δ , расширенной за счет некоего добавления, будут равны:

Если $\Gamma \subseteq \Delta$ и $\Delta \subseteq C(\Gamma)$, то $C(\Gamma) = C(\Delta)$.

Альчуррон считал, что эффективно моделировать изменение нормативного кодекса, будь то отмена или добавление нормы, можно на основе дедуктивной выводимости, и никаких новых постулатов наподобие кумулятивной монотонности для этого не требуется. Эту позицию он отстаивает в своей статье «Отделение и отменяемость в деонтической логике», где показано, что выразить изменчивость иерархического упорядочивания кодекса норм можно на основе одной из диадических деонтических систем при помощи специального оператора ревизии. Время создания этой статьи (последнее десятилетие XX в.) характеризуется всплеском исследований в области немонотонной логики применительно к юридической аргументации,¹¹⁰ поэтому неудивительно, что

¹¹⁰ См., напр., одно из лучших, на наш взгляд, исследований: *Prakken H. Logical Tools for Modelling Legal Argument. A Study of Defeasible Reasoning in Law. Dordrecht etc., 1997.*

эффект от ее публикации был не слишком заметен. Сегодня, спустя два десятилетия, все более слышны мнения, созвучные позиции Альчуррона.¹¹¹

Суть идеи Альчуррона, изложенной в этой статье, заключается в следующем. Нормативные установления, содержащиеся в кодексе норм, носят условный характер и включают в себя, как правило, условие применения нормы (диспозицию) плюс ее характер и содержание, а иногда и последствия ее нарушения (санкцию). В деонтической логике такие нормы получили название диадических, или условных, в отличие от монадических, или безусловных, когда явным образом в норме выражены только ее характер и содержание. Отношения между условной нормой и санкцией обычно выражаются при помощи истинностно-значной импликации.¹¹² В ходе рассмотрения конкретного случая может оказаться, что в кодексе имеется некая релевантная данному случаю диадическая норма, однако условие, обозначенное в ней, в этом случае не имеет места. Может быть и так, что случай характеризуется обстоятельствами, в которых данная норма не действует согласно этому же кодексу. Выходит, требуется как применить эту норму к данному случаю, так и воздержаться от этого. В логическом смысле это означает, что постулат усиления антецедента (он же — принцип монотонности дедуктивной выводимости) желательно пересмотреть таким образом, чтобы ослабить определение дедуктивной выводимости.

Сторонники немонотонного подхода к принятию решений в праве в данной ситуации укажут на такое свойство реальных нормативных установлений, как отменяемость (*defeasibility*), которая связана с немонотонной выводимостью: появление нового условия в качестве посылки может ограничить или вовсе отменить выводимость ранее полученного заключения из посылок, имевшихся прежде. Признавая отменяемость как свойство диадической нормы, отличающее ее от монадической, Альчуррон доказывает, что оно вполне сочетается с монотонностью дедукции, и в отказе от последней нет нужды. Другая причина настойчивости сторонников немонотонного подхода в плане ослабления дедуктивной выводимости связана с тем, что правило отделения, или *modus ponens*, в своей деонтической версии позволяет вывести абсолютное обязательство: $O(A \mid B) \supset (B \supset O A)$. Однако поскольку условие диадической нормы есть условное предложение, может оказаться, что условие, как уже говорилось выше, исключает использование данной нормы. Значит, надлежит отказаться либо от правила отделения, либо от постулата монотонности. Оба пути, вместе и по отдельности, ведут к отказу от дедуктивной выводимости.

К. Альчуррон предлагает разграничить область фактов и сферу долженствования, в каждой из которых по-разному определить фактические и отменяемые (условные) обязательства, а также воспользоваться оператором ревизии. В результате получается трехуровневая логическая система, а ее выразительные возможности подразумевают различные типы логических связей моделирования отношений внутри выделенных уровней системы. Оператор ревизии применяется для того, чтобы «изолировать» отменяемую в конкретном случае

¹¹¹ Вильямсон Т. Является ли логика нейтральным арбитром? // Логико-философские студии. Вып. 9 СПб., 2011. С. 18–27.

¹¹² Лисанюк Е. Н. Альчуррон К., Булыгин Е. о норме в «Нормативных системах» // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 62–74.

норму (совокупность норм) и корректно использовать разность для формулирования решения по делу.

Как становится понятно из этой статьи, расхождения по вопросу о том, считать ли операцию ревизии производной от операции сокращения или, наоборот, видеть в сокращении частный случай ревизии, оказались делом вкуса. Существенным в дальнейшем оказалось другое. И ревизия, и сокращение дедуктивно замкнутого множества были признаны слишком сильными операциями с ограниченной областью применения. Так, на примере N_i и N_j хорошо видно: для того чтобы достичь однозначного результата, обе операции часто требуют введения дополнительного упорядочивания множества, помимо его дедуктивного замыкания. Дополнительные отношения предпочтения потребуются установить и в том случае, если среди членов одного множества имеются более важные для чего-либо, например для рассматриваемого судьей случая. Похожие предпочтения обычно сопутствуют убеждениям, среди которых всегда найдутся более существенные, хорошо обоснованные, согласованные между собой и менее существенные. Проводя ревизию всей совокупности убеждений, последними можно пожертвовать, а первые желательно сохранить или, по крайней мере, построить дело так, чтобы от них пришлось отказываться в последнюю очередь. Для этого Макинсон и Герденфорс предложили понятие «эпистемической обороны» (*epistemic entrenchment*), применимое также к открытым базам убеждений.¹¹³ На практике, и в праве в том числе, чаще приходится иметь дело с открытыми собраниями объектов (норм, высказываний и т. п.), и в таком случае не все постулаты *AGM* выполняются. Впоследствии Макинсон предложил вместо дедуктивного замыкания использовать другие логические инструменты упорядочивания множества, указав на близость *AGM* и немонотонной логики.¹¹⁴ В развитие *AGM* были выдвинуты идеи проведения ревизии не всей теории, а лишь некоторой ее специально выделяемой части, а также осуществления ревизии с разной степенью глубины.¹¹⁵ Сегодня помимо классических положений *AGM*, представляющей, по сути, чисто синтаксическую теоретико-множественную процедуру, для пересмотра убеждений активно используется потенциал динамической семантики, позволяющей подвергать пересмотру не только собственно элементы модифицируемого множества, причем не обязательно замкнутого, но и приписываемые им значения.¹¹⁶ На волне исследований ревизии убеждений важные результаты были получены в аргументации и в когнитивных исследованиях.¹¹⁷

¹¹³ Gärdenfors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States. Cambridge, 1988.

¹¹⁴ Makinson D. How to Give up: A Survey of Some Aspects of Theory Change // Synthese. 1985. Vol. 62. P. 347–363.

¹¹⁵ Козаченко Н. П. Критерии рациональности изменения убеждений: непротиворечивость. // Логические исследования. Вып. 16. 2010. С. 134–155.

¹¹⁶ Benthem J. van. Dynamic Logic for Belief Change / Belief Revision and Dynamic Logic // Special Issue of the Journal of Applied Non-Classical Logic. 2007. Vol. 17. N 2 / ed. A. Herzig, H. van Ditmarsch.

¹¹⁷ Микиртумов И. Б. Логико-прагматические характеристики модификаций эпистемических состояний // Логико-философские штудии. Вып. 7. СПб., 2009. С. 124–141.

* * *

В заключение мы хотели бы выразить нашу признательность людям и организациям, без содействия и помощи которых эта книга не состоялась бы.

Глубокое уважение, признание, почтение и восхищение — таково наше отношение к одному из ее авторов, Евгению Викторовичу Булыгину, Учителю, коллеге и другу, чьи академические заслуги и исключительные личные качества сделали возможным это издание. Евгений Викторович внимательно изучил все переводы, представленные в этой книге, внес много полезных исправлений и емких комментариев. Разумеется, все шероховатости окончательного варианта текста — на нашей совести. Благодаря усилиям Е. В. Булыгина удавалось уладить многие формальные и практические вопросы этого проекта.

Мы благодарны Д. Макинсону и П. Герденфорсу за любезное согласие перевести и опубликовать их труды на русском языке в этой книге, равно как и наследникам К. Альчуррона за согласие на перевод и публикацию трудов скончавшегося в 1996 г. мыслителя.

Особую благодарность мы хотим выразить поддержавшему проект издания этой книги Санкт-Петербургскому университету и Банку «Сантандер». Заключение между Университетом и Банком соглашение позволило получить финансовые средства, необходимые для издания настоящего тома. В результате одним из наших партнеров в этом совместном проекте стал факультет права Университета Буэнос-Айреса в лице его очаровательного декана — профессора Моника Пинто, поддержка которой была эффективной и своевременной. Е. В. Булыгину и М. Пинто удалось привлечь к проекту целое созвездие аргентинских философов и правоведов, а также коллег из других стран. Мы также благодарны за поддержку декану философского факультета профессору С. И. Дуднику и заместителю проректора СПбГУ А. В. Каштанову, чьи практические советы и опыт помогали разрешать многие затруднения.

Переводы статей с английского и испанского языков были выполнены в рамках реализации исследований по проектам, осуществляемым в рамках тематического плана НИР СПбГУ (проект № 0.38.164.2011, руководитель В. М. Аллахвердов), а также проектов, поддержанных РГНФ (№ 12-03-00196, № 12-33-01296). Перевод двух статей с немецкого языка осуществлен при поддержке РГНФ (грант 11-03-00637а).

Важную роль в этом проекте сыграл глава Издательства СПбГУ Е. Ю. Новиков, в лице которого мы хотели бы поблагодарить всех сотрудников издательства, принимавших участие в работе над этой книгой.

Также особую благодарность хотелось бы выразить профессору юридического факультета СПбГУ, главному редактору «Российского ежегодника теории права» А. В. Полякову, благодаря инициативе которого «Нормативные системы» в сопровождении ряда сопутствующих материалов впервые были опубликованы в «Ежегоднике» (№ 3. 2010). Эта публикация позволила привлечь внимание к философско-правовой концепции Альчуррона — Булыгина и тем самым заложила основу для последующей реализации данного проекта, результатом которого стала публикация настоящего тома.